

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ОТКРЫТЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ»

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
25 апреля 2024 года

Йошкар-Ола
2024

УДК 37.0

ББК 74

Печатается по решению Ученого Совета
АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт»

Научный редактор сборника – канд. пед. наук, доцент И.А. Загайнов

Рецензенты: Блинова М.Л., канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; Федоров И.З., канд. юрид. наук, доцент Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского института кооперации; Гусакова Т.М., канд. экон. наук, доцент АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт».

Редакционная коллегия: канд. филол. наук, доц. Баланчук О.Е., канд. пед. наук, доц. Козина И.Б., канд. экон. наук Головин В.А., канд. юрид. наук, доц. Кондратенко З.К., канд. юрид. наук Пушкарев С.В.

Проблемы общественных наук в России и за рубежом: история и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25 апреля 2024 года) / под ред. И.А. Загайнова. – Йошкар-Ола : АНО ВО МОСИ, 2024. – 107 с.

ISBN 978-5-6051382-6-6

Сборник статей «Проблемы общественных наук в России и за рубежом: история и современность» издан по материалам Международной научно-практической конференции, проводимой на базе Межрегионального открытого социального института 25 апреля 2024 г. В сборник вошли статьи педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений, педагогических работников образовательных организаций.

Представленные материалы посвящены актуальным проблемам в области педагогики, юриспруденции, экономики и филологии, основаны на оригинальном исследовательском опыте авторов.

Мнения, высказанные в материалах сборника, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 37.01

ББК 74

© Межрегиональный открытый
социальный институт, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Азоян Д.Т.</i> «Нету» в русском языке.....	5
<i>Бараковецкая К.Р.</i> Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами «голод, сытость, жажда, аппетит» (на материале английского, немецкого и русского языков)	8
<i>Брезгунова Н.Л., Погодина Е.К.</i> Влияние социальных сетей на формирование психологической зависимости у младших подростков.....	13
<i>Васильева С.А.</i> Функционирование отрицания в немецкоязычных художественных текстах разных периодов	18
<i>Влазнева К.А., Пономаренко Е.В.</i> Особенности добровольного отказа от сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.....	27
<i>Герасимова А.А., Кривовяз В.А., Пономаренко Е.В.</i> Уголовно-правовые последствия оставления места дорожно-транспортного происшествия	34
<i>Городова О.В.</i> Сопоставительная характеристика концепта «счастье» в немецком и русском языках	42
<i>Дунаева Ю.В.</i> Педагогические новации В.И. Герье.....	47
<i>Калинина П.С., Погодина Е.К.</i> Агрессивное поведение подростков и его профилактика	54
<i>Карнован С.М.</i> Особенности правового статуса президента Российской Федерации как элемента механизма государства.....	59
<i>Мусалов М.А.</i> Проблемы интеграции этических ценностей в процессы технологического развития.....	65
<i>Наумова А.С.</i> Психолого-педагогические особенности развития обучающихся с фонетико-фонематическим недоразвитием речи	74

Пономаренко Е.В. Некоторые вопросы толкования признаков преступного сообщества (преступной организации).....	78
Процко Л.А., Погодина Е.К. Гендерные предпочтения при выборе мобильных игр у обучающихся	84
Смильгин Д.А., Погодина Е.К. Программа социально-педагогической деятельности по профилактике интернет-аддикции у младших подростков	91
Федоровская Е.В. Роль креолизованных текстов в цифровых бренд-коммуникациях	96
Яйцева А.С. Институты гражданского общества в России: исторический и теоретико-правовой аспекты.....	100

УДК 811.161.1

Азоян Д.Т.

«Нету» в русском языке

«Netu» in Russian language

Аннотация. В статье рассматривается правило использования отрицательных частиц «нету» и «нет». В правиле русского языка частица «нету» является речевой ошибкой, по мнению учителей и преподавателей учебных заведений. Однако значительная часть населения России пренебрегает этим правилом в устной и письменной речи, так как живой язык из-за психологии человека будет отличаться от литературной нормы. В произведениях XIX века и других исторических источниках раннего издания можно заметить «неверное употребление» частицы «нету». Из-за этого читатели ошибочно полагают, что писатели являлись неграмотными и необразованными, так как игнорировали нормы литературного русского языка. В данной работе проанализируем историю возникновения частиц «нет» и «нету», а также причины неверного употребления в письменной и устной речи. Результаты анализа показали, что частица «нету» может употребляться наравне с «нет».

Ключевые слова: «нету», частица, русский язык, употребление, использование.

Abstract. The article discusses the rule of using negative particles "net" and "netu". In the rule of the Russian language, the particle "netu" is a speech error, according to teachers and teachers of educational institutions. However, a significant part of the Russian population ignores this rule in oral and written speech, since a living language will differ from the literary norm due to human psychology. In the works of the 19th century and other historical sources of the early edition, one can notice the "incorrect use" of the particle "netu". Because of this, readers mistakenly believe that the writers were illiterate and uneducated, as they ignored the norms of the literary

Russian language. In this paper, we will analyze the history of the occurrence of the particles "netu" and "net", as well as the reasons for incorrect use in written and oral speech. The results of the analysis showed that the particle "netu" can be used on a par with "net".

Keywords: "netu", particle, Russian language, usage, usage.

В настоящее время многие жители России задаются вопросом употребления частицы «нету» в русском языке. В официально-деловом и научном стилях использование «нету» является ошибкой, заменяя на «нет». Однако в литературных произведениях данную частицу можно часто заметить. Из-за этого носители русского языка не могут понять, является ли «нету» просторечием или допустимая норма употребления в письменной речи [4].

Для анализа слова «нету» рассмотрим частицу «не». Она происходит от праиндоевропейского языка «*ne», который передает отрицание предмета или действия. В английском будет «not», в немецком- «nicht», польском - «nie», в латышском - «ne». Сравнивая польскую частицу «nie» и русскую «не», изменения в славянских языках происходили таким образом: в праславянском - «nē» (долгий звук э) переходил в древнерусский «нѣ» с произношением «ние», а после XV-XVI вв. в современное произношение «не» («ѣ» перешло в «е» в 1917 году). Частица «не» не может употребляться в качестве отдельного слова. Само «*ne» возникло от соединения праславянских «*ne je», означающее «не есть». Такое сочетание сохранилось в польском языке «nie ma» и в украинском «нема». В других неславянских языках: в английском – there is no, во французском – il n'y a pas [1].

Самостоятельное «не» можно заметить в древнерусском тексте «Повесть временных лет» X века:

...И вступжиша людье въ городѣ и рькоша: «Нѣ ли кого, иже бы на ону страну могль дойти...?»

На современный русский язык перевод будет таким:

...И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону...?»

«Нету» образовалось от сочетания «нѣ ту», где «ту» по-древнерусски – «здесь». В польском языке «я здесь» будет «jestem tu». Многие считают, что «нету» образовалось от «нет», и это является заблуждением. «Нѣту» переходил в «нѣтъ», гласная «у» выпадала по причине фонетического изменения в позднем древнерусском языке. Правило было таково: «Безударные гласные на конце слова сокращаются, если такое сокращение не приводит к полной утрате морфемы.» Данное правило коснулось не только к слову «нѣту», но и к инфинитивам на –ти (перешло на –ть, ходити - ходить), окончаниям творительного падежа –ою (перешло на –ой длинною – длинной), глаголы повелительного наклонения –и (перешло на –ь избави – избавь) [3].

До сих пор неизвестно почему «нѣту» преобладал над «нѣтъ». Вероятнее всего, писали в дань традициям, например, в «Новгородской 1-й летописи. Синодальный список»:

<...> а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде
колико злата и сребра яко нѣту числа <...>

В XVIII-XIX веках происходило увеличение тенденции употребления частицы «нет». «Нет» используется для отрицания предмета и ответа на вопрос. «Нету» - только для первого случая. Однако в произведении Л.Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» 1853 года:

<...> А далеко он живет? – Далеко нету. Вот, левая сторона, верста
десять будет <...>

Также можно заметить и у И.Е. Чернышева «Жених из долгового отделения»:

<...> - Дома Иван Иванович?

- Нету-с. Да они сказали, что скоро будут <...>

Советские словари относили слово «нету» к разговорному стилю, то есть входило в литературную норму. У Ожегова С.И. «нету» - в знач. Сказ., кого-чего (разг.). То же, что и нет (во 2 знач.). Денег нету ни копейки. Современные русские словари сохраняют эту традицию.

Почему древнее слово «нету» прижилось в наши дни? Удлинение слога частицы позволяет усилить само отрицание. Стоит сравнить ответ

на вопрос «есть у тебя деньги?». Ответы будут таковы: «нет», «нету», «нетушки». Чем длиннее слог, тем сильнее подчеркивается отрицания из-за особенности психологии человека. В английском языке отрицательный ответ будет так: «no», «nore». Таким образом, можно сделать вывод, что употребление «нету» не является речевой ошибкой в русском языке [2].

Библиографический список:

1. Добрушина Е. Р. Что значит НЕТ? // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство, 2003. С. 146-193.
2. Лили Ц. Непартикулярное слово нет в устной повседневной речи: функционально-семантическая характеристика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2018. Т. 10. №. 1. С. 14-26.
3. Лили Ц. Слово нет как способ выражения речевых актов в русской устной повседневной речи (на корпусном материале) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, 2018. Т. 2. №. 2. С. 26-32.
4. Ханпира Э. Нет и нету // Русский язык в школах, 1963. С. 24-25.

Сведения об авторе:

Азоян Давид Татевосович, ассистент кафедры Технологии общественного питания ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет», гор. Москва, Российская Федерация, e-mail: azoyandavidmgupp@mail.ru

УДК 81.13

Бараковецкая К.Р.

Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами «голод, сытость, жажда, аппетит» (на материале английского, немецкого и русского языков)

Comparative analysis of phraseological units with the components "hunger, satiety, thirst, appetite" (based on the material of English, German and Russian languages)

Аннотация. В работе проанализированы немецкие, английские и русские фразеологические единицы лексико-семантического поля "голод, сытость, жажда, аппетит", которые представляют собой огромную группу фразеологизмов, обладающую специфическими особенностями. Проведенное исследование свидетельствует о наличии повышенной межъязыковой фразеологической эквивалентности, что объясняется принадлежностью ядра (т. е. компонентов) к высокочастотной и исконной лексике каждого из языков и к тому, что они обладают высокой фразеобразовательной активностью.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, фразеологические единицы, английский язык, немецкий язык, русский язык, паремиология.

Abstract. The article analyzes German, English and Russian phraseological units of the lexical and semantic field "hunger, satiety, thirst, appetite", which represent a huge group of phraseological units with specific features. The conducted research indicates the presence of increased interlanguage phraseological equivalence, which is explained by the belonging of the core (i.e. components) to the high-frequency and native vocabulary of each of the languages and the fact that they have high phraseological activity.

Keywords: comparative linguistics, phraseological units, English, German, Russian, paremiology.

Сопоставительный анализ фразеологических составов нескольких языков, которым занимается особый раздел фразеологической теории – сопоставительная фразеология, находится на стадии становления и тем самым вызывает все больший интерес исследователей [4, с. 58]. Изучение сходств и различий между конкретными фразеологическими единицами (далее – ФЕ) трех языков известный, но в то же время сложный вид сопоставительного анализа во фразеологии. Установление межъязыковых фразеологических эквивалентов разных типов служит потребностям перевода и углубленного обучения иностранным языкам. В основе всех этих изысканий лежат различные стороны межъязыковой соотнесенности конкретных ФЕ, т.е. тождества их смысловой или

формально-смысловой организации. Отсутствие этой соотнесенности означает полное различие ФЕ.

Материалом для исследования послужили ФЕ с компонентами «голод», «сытость», «жажда», «аппетит», отобранные из двуязычных и одноязычных словарей [1,2,4,6,10,13] и справочников методом сплошной выборки.

Используя компоненты «голод», «сытость», «жажда», «аппетит» в переносном значении – как сравнения, метафоры, в идиомах, пословицах, – люди стараются полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление. Носители языка прибегают к помощи слов, называющих их органы, для описания чувства голода, жажды, включая степень этих чувств. Например, собственное тело для человека ближе всего, с ним сравнивают, когда говорят о чем-то максимально знакомом. Ср.: англ. *stomach is howling*, нем. *j-m hängt der Magen schief*, рус. тж. *живот урчит*.

Наряду с отношениями полного тождества и полного различия существуют промежуточные ступени, которые могут быть обобщены как отношения неполного тождества. Отношения тождества, неполного тождества и различия обнаруживаются при сопоставлении немецких, английских и русских ФЕ [3, с. 69]. Следует выделить тот факт, что наряду с прямым значением лексем, также употребительно переносное использование данных компонентов. Это характерно не только для русского языка, но и для английского и немецкого. Выражение ‘*сыт по горло*’ употребляется в прямом значении ‘переел’ и переносном значении ‘когда что-либо получено сверх нормы’. Ср.тж.: нем. *der Appetit kommt beim Essen* букв. ‘аппетит приходит во время еды’, имеет также и дополнительное переносное значение ‘возникновение интереса в период выполнения какого-либо вида деятельности’. Ср. тж.: англ. *lose one's appetite* букв. ‘потерять аппетит’ имеет аналогичную двойную трактовку, выступает в качестве антонима к немецкому выражению.

Лексема «голод / hunger / Hunger» в исследуемых ФЕ выражается, во первых, с помощью *метафорических процессов*: рус. *кишки играют марш, сырая душа есть хочет*, англ. *feel a vacuum in the lower regions* букв. ‘чувствовать вакуум внизу’, *stomach is howling* ‘живот урчит’, *after*

famine in the stall, comes a famine in the hall букв. ‘после голода в конюшне приходит голод в дом’, нем. *j-m hängt der Magen schief* ‘быть очень голодным’.

Во-вторых, обозначенные ФЕ могут быть представлены с помощью *сравнения*, в составе которых входят зоо-, фито- и этнокомпоненты: рус. ‘голодный как волк’, синонимичные по значению выражения в английском и немецком языках: англ. *hungry as a bear (hawk, hunter, church mouse, wolf)*; нем. *einen Wolfshunger (Bärenhunger, Löwenhunger, Mordshunger) haben*. Ср. тж.: нем. *essen/fressen wie ein Scheuendrescher* ‘есть без меры’. Следовательно, процессы метафоризации и сравнения являются общими для ФЕ сопоставляемых синонимичных рядов.

Однако лексема «голод-hunger-Hunger» в русских ФЕ преимущественно выражается посредством *гиперболы (или литоты)*: рус. *и крошки в рот не брать, быка съел бы, съел бы за семерых, как будто месяц не ел, попало на зубок*.

В английском языке гиперболизация занимает последнее место после метафорических процессов и сравнения. Ср.: англ. *hunger breaks (pierces) stone walls* букв. ‘голод разбивает каменные стены’, *without bite or sup* букв. ‘без куса хлеба и супа’, *he is so hungry he could eat a horse behind the saddle* букв. ‘он так голоден, что может съесть лошадь под седлом’.

В немецком языке можно наблюдать схожую тенденцию. Ср.тж.: нем. *einen grimmigen Hunger haben* ‘свирепый’; *j-d isst, als ob er 14 Tage/eine Woche nichts gegessen hat/ als ob das Essen morgen verboten würde/ nichts mehr gäbe*.

Для реализации лексемы «жажда-thirst-Durst» в сопоставляемых ФЕ наблюдается тенденция использования гиперболы: нем. *etw. Auf einen Zug/ in einem Zuge/Schluck (aus)trinken* ‘выпить от души’, *Frösche in den Bauch kriegen, j-d hat eine ausgebrannte/ durstige/trockene Kehle/ Leber*; англ: *drink the sea* ‘выпить досуха море, океан’, *moisen one's clay* ‘увлажнить свой свисток’; *shake one's thirst* ‘встряхнуть свою жажду’. Необходимо подчеркнуть, что лексема «жажда-thirst-Durst» слабо представлена при помощи ФЕ и имеет часто второстепенное значение. Наименьшая частотность употребления данной лексемы в сравнении с

лексемой «голод-hunger-Hunger» может быть интерпретирована необходимостью человека, в первую очередь, утолить голод, чем жажду.

Лексема «сытость/сытый - satiety/satiation - satt/Sättigung» наиболее выразительно представлена в английском языке. В состав ФЕ входят зоокомпоненты, этнонимы, названия музыкальных инструментов, а также указывается социальный статус человека. Ср.: англ. *he is like bagpipe* букв. 'он как волынка', *I have dined as well as my Lord Mayor of London* букв. 'Я пообедал так хорошо, как лорд-мэр Лондона'. Лексема «аппетит - appetite - Appetit» выражается через цепочку сравнений, в составе которых могут находиться зоонимы, этнокультурные компоненты. Во всех анализируемых языках представлены ФЕ со схожим значением «мало кушать»: нем. *wie ein Spatz essen*, англ. *eat like a bird, feed like a farmer*. Немаловажную роль в английском языке играет гиперболизация: англ. *punish one's food (the bread, wine)* букв. 'наказывать свою еду (хлеб, вино)'.

Таким образом, исследование фразеологических оборотов, их классификация позволяют решить целый ряд вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слов, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования. Проведя анализ, можно выделить преимущество использования зоонимов во ФЕ немецкого и английского языков, которые в составе многих ФЕ несут ту или иную символику, создавая привычный для того или иного народа образ жизни: народными символами обжорства, голода. В английском языке можно выделить ряд ФЕ с этнокомпонентами. Проведя исследование можно с уверенностью сказать, что большая часть ФЕ английского языка связана напрямую с историей, с конкретными фактами.

Библиографический список:

1. Бинович Л.Э., Гиришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975. 656 с.
2. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1996. 768 с.
3. Дмитриева Л.Ф. Английский язык. Курс перевода. Книга для студентов. М., Ростов н/Дону, 2005. 120 с.

4. Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь живых идиом. М., 1997. 201 с.
5. Кунин А.В. Английская фразеология. М., 1970. 288 с.
6. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 1984. 944 с.
7. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980. 169с.
8. Райхштейн А.Д. О сопоставлении фразеологических систем // Иностранные языки в школе. 1960. № 4. С. 8-15.
9. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд, 1977. 167 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1958.
11. Чернышова И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
12. Buger H. Handbuch der Phraseologie. Berlin – New-York, 1982. 433 S.
13. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1997.

Сведения об авторе:

Бараковецкая Ксения Рудольфовна, учитель, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1 г. Вяземского», г. Вяземский, Российская Федерация, e-mail: barakoveckr@mail.ru

УДК 37.013.42

Брезгунова Н. Л., Погодина Е. К.

Влияние социальных сетей на формирование психологической зависимости у младших подростков

The influence of social networks on the formation of psychological dependence in younger adolescents

Аннотация. В настоящее время социальные сети занимают важное место в жизни подростков. Активность в социальных сетях позволяет подросткам расширять границы общения, поддерживать контакты с широким кругом знакомых, обмениваться информацией, искать друзей

по интересам, презентовать себя и получать обратную связь от других пользователей Сети. Социальные сети для современных подростков выступают средством для приобретения социального опыта, который не всегда является объективным и достоверным. Доступность и многофункциональность социальных сетей несет определенные риски для их пользователей, например, риск чрезмерного погружения в виртуальный мир, разрыва реальных социальных связей и формирования интернет-зависимости. В статье рассматривается проблема зависимости младших подростков от социальных сетей. Проанализированы факторы риска формирования интернет-зависимости в подростковой среде, представлены результаты эмпирического исследования особенностей поведения подростков в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-зависимость, зависимость от социальных сетей, факторы и причины зависимости от социальных сетей, младшие подростки.

Abstract. Currently, social networks occupy an important place in the lives of teenagers. Social media activity allows teenagers to expand the boundaries of communication, maintain contacts with a wide range of acquaintances, share information, search for friends of interest, present themselves and receive feedback from other Network users. Social networks for modern teenagers act as a means to acquire social experience, which is not always objective and reliable. The accessibility and versatility of social networks carries certain risks for their users, for example, the risk of excessive immersion in the virtual world, breaking real social ties and forming Internet addiction. The article deals with the problem of dependence of younger teenagers on social networks. The risk factors for the formation of Internet addiction in the adolescent environment are analyzed, and the results of an empirical study of the characteristics of adolescent behavior in social networks are presented.

Keywords: social networks, internet addiction, social media addiction, factors and causes of social media addiction, younger teens.

Социальная сеть – это сообщество людей, объединенных одинаковыми интересами, предпочтениями, созданное с целью общения. Данное понятие было введено в обиход Джеймсом Барнсом в 1954 году [4].

Социальные сети в интернет-пространстве являются универсальным средством общения. Характерными особенностями межличностного взаимодействия в социальных сетях в отличие от общения пользователей на других интернет-ресурсах (в форумах на информационных сайтах, в чатах, ICQ) является его персонифицированность и контролируемость: можно свободно выбирать партнеров по общению, тему, время и место взаимодействия.

Социальные сети имеют огромный потенциал, причем как положительный, так и отрицательный, и это вызывает обеспокоенность и необходимость в осуществлении социального контроля за поведением отдельных индивидов, особенно подростков, у которых сформировалась зависимость от социальных сетей.

Зависимость от социальных сетей – это вид аддикции, состояние личности, характеризующееся навязчивым стремлением к манипулированию собственными данными и взаимодействию с другими пользователями в социальной сети и неспособностью контролировать продолжительность и интенсивность данной активности и согласовывать ее с другой жизненно важной деятельностью, несмотря на возможные отрицательные последствия.

Зависимость от социальных сетей чаще всего присуща младшим подросткам, которые имеют сложности в межличностной коммуникации. К факторам, способствующим формированию зависимости у подростков, относят: особенности интернет-среды, индивидуальные особенности подростка, особенности социальной ситуации.

Среди причин зависимости от социальных сетей выделяют: неудовлетворение коммуникативных потребностей, отсутствие серьезных увлечений, экзистенциальную пустоту, негативную Я-концепцию, эмоциональный дискомфорт, ориентацию на интернет-субкультуру.

Одной из основных причин возникновения зависимости от социальных сетей у младших подростков является недостаток общения и взаимопонимания со сверстниками и родителями. Именно по этим причинам они все чаще обращаются к социальным сетям.

Зависимыми от социальных сетей становятся чаще всего подростки, у которых не удовлетворяется потребность в признании и принятии. Поэтому, когда совершенно незнакомые люди вдруг неожиданно проявляют интерес к персональной веб-странице подростка, у него повышается самооценка, он чувствует себя нужным, значимым и более уверенным в себе [2].

С помощью социальных сетей младшие подростки могут также удовлетворить потребности, которые они не в состоянии реализовать в реальной жизни. Благодаря возможности анонимных социальных взаимодействий, подросток может создавать новые образы собственного «Я». Также сюда можно включить возможность поиска нового собеседника без необходимости удерживать внимание предыдущего (поскольку в любой момент можно найти другого) [3].

Исследование особенностей поведения подростков в социальных сетях проводилось на базе ГУО «Гимназия № 174 г. Минска» среди учащихся 6-7 классов. Для проведения исследования была разработана авторская анкета «Влияние социальных сетей на личность подростка».

Проведенное исследование показало, что наиболее популярной среди подростков является такая социальная сеть как «ВКонтакте» [1]. На втором месте по степени значимости для испытуемых стоит социальная сеть Instagram, довольно часто младшие подростки используют для общения Telegram.

Только 24% опрошенных подростков проводят в социальных сетях менее 1 часа в день; 53% респондентов указали, что тратят на это 2-4 часа ежедневно; 17% отметили, что они проводят в социальных сетях по 5-7 часов в сутки, и 6% указали, что социальные сети отнимают у них более 7 часов времени ежедневно.

Большинство подростков (86%) в социальных сетях предпочитают общаться с друзьями; 71% респондентов указали, что используют их для прослушивания музыки; 29% испытуемых отметили, что

используют социальные сети для поиска нужной информации. Смотрят фильмы в социальных сетях 20% младших подростков; 9% отметили, что играют в социальных сетях в игры и 5% занимаются всем вышеперечисленным.

Около трети подростков (27%) отметили, что ощущают негативное влияние социальных сетей на успеваемость и успешность обучения; 16% указали, что из-за проведения большого количества времени в социальных сетях они иногда не успевают делать домашнее задание. Еще 16% отметили, что такое случается у них часто и 12% указали, что так происходит всегда.

Анализ ответов на вопрос «Считаете ли вы, что у вас есть зависимость от социальных сетей?» показал, что 6% участников исследования уверены, что у них есть зависимость; 44% респондентов ответили «отчасти».

Профилактика зависимости младших подростков от социальных сетей включает: проведение просветительских мероприятий с учащимися, создание в учреждениях образования благоприятных условий для гармоничного развития личности, формирование умения правильно использовать интернет-ресурсы, внедрение программ психопрофилактики интернет-зависимости в деятельность специалистов (педагогов-психологов и социальных педагогов) учреждений образования.

Библиографический список:

1. Брезгунова Н. Л. Зависимость младших подростков от социальных сетей как социально-педагогическая проблема // Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : Ч. 1 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГПУ, 2023. С. 213-217.
2. Жиллов В. С. Основные проблемы интернет-зависимого поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. № 5. С. 29-31.
3. Захарова Е. М., Берникова С. М., Бакина М. И., Андреева М. В. Проблема интернет-зависимости в школьной, молодежной и взрослой среде // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 12. С. 82-86.
4. Barnes, J. A. Class and committees in a Norwegian island parish // Human Relations. 1954, № 7. Pp. 39–58.

Сведения об авторах:

Брезгунова Наталья Леонидовна, студент 5 курса факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: brezgunovan@mail.ru

Погодина Елена Константиновна, старший преподаватель кафедры социальной педагогики УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: pogodinaek@mail.ru

УДК 811.11

Васильева С.А.

**Функционирование отрицания в немецкоязычных
художественных текстах разных периодов**

**The functioning of negation in German-language literary texts
of different periods**

Аннотация. В статье представлен краткий анализ функционирования отрицания на примере памятников письменности древневерхненемецкого (далее – двн.), средневерхненемецкого (далее – свн) и раненоверхненемецком (далее – рнвн) периоды, а также отрывка из произведений современного автора Г.Гессе. Проведенный анализ обозначенных литературных источников позволил выявить наиболее и менее продуктивные модели функционирования отрицания в немецкоязычных художественных текстах, раскрыть особенности употребления немецкого отрицания при построении предложений. Немецкое отрицание на протяжении своего развития менялось лишь фонетически, а то время как функции и способы отрицания в большей степени остаются не измены.

Ключевые слова: немецкий язык, история языка, памятники письменности, выражение отрицания, художественный текст.

Abstract. The article presents a brief analysis of the functioning of negation on the example of the monuments of writing of the Old High German, Middle High German and Early High German periods, as well as an excerpt from the works of the modern author G. Hesse. The analysis of the indicated literary sources made it possible to identify the most and less productive models of the functioning of negation in German-language literary texts, to reveal the features of the use of German negation in the construction of sentences. German negation has changed only phonetically throughout its development, while the functions and methods of negation remain largely unchanged.

Keywords: German language, history of language, monuments of writing, expression of negation, artistic text.

Одной из категорий, отражающих взаимосвязь языка и мышления, языка и объективной действительности, которая обнаруживает непосредственную связь с человеком, с субъектом речи, выступает лингвистическая категория отрицания.

В сравнении с русским языком категория отрицания в немецком языке имеет более широкое проявление, что обусловлено наличием разных языковых единиц, которыми можно воспользоваться для выражения отрицания в той или иной коммуникативной ситуации.

Во все времена все люди утверждали одно и отрицали другое. Совершенно естественно, что во все времена они делали это по-разному, так как не сразу появился язык в той форме его существования, в которой мы привыкли его использовать в наше время. Этапы своего развития претерпевали все языки мира, и немецкий язык не является исключением в данном смысле.

Целью работы является описание способов выражения отрицания на разных этапах развития немецкого языка и выявление особенностей функционирования отрицания. Практический материал извлечен методом сплошной выборки из немецкоязычных памятников письменности различных периодов [2, 4, 6, 8, 9] и произведений Г.Гессе [1, 5].

В двн. отрицание выражалось при помощи отрицательных частиц, а именно к ним относились всего две частицы: *ni* или *ne*. Например: *ni waniu ich (Ahd.) - ich glaube nicht (Nhd.) 'я не верю'*; *niforhti thu thir, Zacharias (Ahd.) - fürchte dich nicht, Zacharias (Nhd.) 'не бойся, Цахариац'*. Чаще всего отрицательные частицы сливались с изменяемой частью сказуемого: *nist (ni+ist) Hut thas es beginne (Ahd.) — es gibt kein Volk, das damit beginnt (Nhd.) 'это не народ, который начинается с этого'*. В отличие от современного немецкого литературного языка в древневерхненемецком языке допускалось наличие двойного отрицания: *nist man nihein in uuorolti (Ahd.) — es gibt keinen Menschen auf der Welt (Nhd.) 'на земле нет ни одного человека [10]*.

Для определения способов выражения отрицания на ранних этапах развития немецкого языка проведен анализ памятников двн. письменности «Muspilli» («Поэма о страшном суде») и заклинания «Gegen Teufel» («Против дьявола»). При анализе данных произведений было выявлено, что в основном отрицание выражено при помощи отрицательной частицы *ni*, которая употреблялась с глагольными формами и ставилась перед глаголом. Ср.: «...*daz imo nioman kipagan ni mak...*», «...*dar ni ist eo so listic man der das iouuiht arliugan meg...*» [6].

Необходимо упомянуть и тот факт, что на данном периоде развития немецкой грамматики допускалось употребление двойного отрицания в предложении, что мы и наблюдали в анализируемом нами произведении. При сравнении двн. варианта данного произведения и этого же произведения, но переведенного на современный немецкий язык, становится ясно, что способы отрицания остались неизменными, а правила их употребления изменились, то есть, если раньше было допустимым двойное отрицание, то на современном этапе развития немецкого языка в предложении допускается употребление лишь одного отрицания, ср.: «... *daz ist allaz so pald, daz imo nioman kipagan ni mak...*» ‘*Das ist insgesamt so stark, dass niemand mit ihm zu kämpfen vermag*’; «*Nisal nieman*» ‘*Niemand muss...*’ [6].

Кроме отрицательных частиц *ni* или *ne* на данном этапе развития немецкого языка зафиксирован ряд других отрицательных элементов:

неопределенные местоимения, выступавшие в разных значениях (*nih(h)ein* ‘kein, niemand, niemals, nichts’; *niheinig* ‘kein, niemand’; *nioman* ‘niemand, keiner’; *niowih(t)* ‘nichts, nichtig, nicht’) и наречия (*niheinest* ‘niemals’; *niomer* ‘nie, nimmermehr, niemals’; *neonaltre* ‘niemals, keineswegs’; *nioner* ‘niemals, nirgends’).

Для отрицания в свн., так же как и в двн. и в германском языках, продолжает функционировать отрицательная частица *ne*, которая ставилась непосредственно перед глаголом, но писалась отдельно от глагола. Также существовала отрицательная частица *en*, которая в свою очередь с глаголом писалась слитно и употреблялась в случаях, если один из членов предложения был очень тесно связан с глаголом, используемым в главной части предложения, ср.: *«ich enweiz ob er zouber künne; mit kome min holder geselle»* [9]. Стоит отметить, что в свн. почти отсутствовали случаи употребления отрицательных частиц, как самостоятельного отрицания. В основном они служили в качестве усилителей отрицания при отрицательных словах, которые могли выражаться местоимениями или наречиями, ср.: *ne + eo > nie*; *ne + eo + man > nieman* (Mhd.). Особенно часто использовалась для отрицания такая частица как *niht*, которая употреблялась для усиления отрицания выраженного отрицательной частицей *ne*, ср.: *«des enmac diu schoene niht getuon»* (Mhd.) [7]. Позднее усилительная частица *niht* переняла все функции отрицательной частицы *ne* и стала использоваться в качестве самостоятельного отрицания, а позднее совсем вытеснила употреблявшуюся ранее частицу *ne*. Отрицательное предложение на свн. стало звучать следующим образом: *«swer mit triwen der niht phliget»* (Mhd.) [2]. Таким образом, можно сказать, что именно на этом этапе развития немецкого языка отрицание приобретает форму, которая наибольшим образом похожа на современную форму отрицания в немецком языке.

Из литературных памятников средневерхнемецкого периода для анализа были подобраны произведения поэта-минезингера Вальтера фон дер Фогельвайде «*Maiwunder*» [9] и «*Der Minne Gewalt*» [8]. В стихотворных текстах выявляется четкая особенность их построения: для отрицания глаголов используется отрицательная частица *en*, при

этом она писалась слитно с отрицаемым глаголом. Ср.: «*ich enweiz, enist, enhan, enmac, endarfft, enmügest, enwart*». Также для выражения отрицания использовались отрицательные местоимения и отрицательная частица *niht*: *niht gedanken, niht erwerben, nihtjehen daz* и т.д.

В рвнв. отрицательная форма, выраженная отрицательными частицами *ne/en*, исчезает. Благодаря изменениям, произошедшим в фонетическом строе языка, отрицание *niht* приобретает свою современную форму *nicht*. Наречие *nichts* и сама отрицательная частица *nicht* стали взаимозаменяемыми, ср.: «*als gehorten sie nichts zur kirchen; hatten nicht zu essen*» (*Fnhd.*) [3].

Рвнв. период развития немецкого языка представлен отрывком из «Послания о переводе» Мартина Лютера («*Ein Sendbrief von Dolmetschen*») [4]. В данном произведении отрицание представлено в виде отрицательной частицы *nicht*, а также отрицательным местоимением *kein*. Ср.: «*...von mir nicht zu leiden...*», «*...dancken mir aber nicht dafür...*», «*...wil ich die Papistē nicht zu richter leiden...*» [4].

В современном немецком языке существует целая система средств, с помощью которых можно выразить отрицание. Эти средства выражения отрицания составляют функциональное поле отрицания в немецком языке. Для анализа были взяты произведения литературы, которые были созданы в период полной сформированности немецкого литературного языка. Методом сплошной выборки из первых 30 страниц произведения Германа Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» было подобрано 88 примеров.

В произведении Г. Гессе языковые средства, служащие для выражения отрицания в современном немецком языке, были классифицированы следующим образом.

Самой продуктивным способом выражения отрицания является использование отрицательной частицы *nicht*, в анализируемом отрывке было использовано 58 % от общего количества примеров. Это обусловлено грамматикой современного немецкого языка, поскольку отрицательная частица *nicht* может относиться к любому члену предложения, употребляться в любом предложении, не зависимо от его

цели высказывания. Ср.: «...wenn Obst und wein geerntet war, aus der gilbenden Krone im Herbstwind die stacheligen Früchte fallen, die **nicht** in jedem Jahr rief wurden...» [5, с.7] ... «уже после того, как убран был урожай фруктов и винограда, ронял из желтеющей, колеблемой ветром кроны свои колючие, **не** каждый год созревающие плоды...» [1, с.317]; «Im Griechischen aber, gegen Mittag, ließ Narziß ihn **nicht** aus den Augen» [5, с.28] «На уроке греческого же, перед обедом, нарцисс не спускал с него глаз» [1, с.338]; «Aus verstörten Augen sah der bleiche Knabe zu ihm her, senkte den Kopf, hob ihn wieder, zuckte mit den Lippen, wollte sprechen, konnte es nicht» [5, с.28]. «Бледный юноша печально взглянул на него, потупил взор, вновь возвел на него глаза, уста его дрогнули, готовясь произнести что-то, да так ничего и не произнесли» [1, с.338].

К менее продуктивным способам выражения отрицания (16 % от общего количества примеров) относится отрицательное местоимение *kein*, которое можно обозначить как отрицательное соответствие неопределенного артикля *ein*. Ср.: «...Aber Goldmund war schüchtern; er fand **keine** andere Weise, um Narziß zu werben...» [5, с.21] «Однако Гольдмунд был робок; он **не** находил иного способа добиваться благосклонности Нарцисса...» [1, с.331]; «..., daß sie ja **keine** Mönche seien, und für einen Abend das Kloster zu verlassen und ins Dorf zu gehen» [5, с.23] «..., что они вовсе **не** монахи, и вечером на несколько часов покидать монастырь, чтобы сходить в деревню» [1, с.333]; «..., war **kein** Spiel mit Mädchen erlaubt» [5, с.26] «..., непростительны были **никакие** забавы с девушками» [1, с.336]; «Du hast heut **keinen** Kopf fürs Griechische» [5, с.28] «В греческом от тебя сегодня мало проку...» [1, с.338].

Еще одним зафиксированным способом выражения отрицания в произведении Г. Гессе служат отрицательные местоимения *niemand* и *nichts*, которые чаще всего выступают в предложении в роли подлежащего (5,7% от общего количества примеров). Ср.: «...; **nichts** ist besser gegen den Hochmut» [5, с 14] «...**нет** лучшего лекарства от высокомерия» [1, с.324]; «**Niemand** schien es dem schönen...» [5, с.20] «**Никто** не смог бы даже вообразить такое при виде прекрасного...» [1, с.330]; «..., er wußte **nichts** von anderen Strebungen» [5, с.21] «..., и **не**

имел иных помыслов» [1, с.331]; «**Niemand** begegnete den Nachtvögeln, unbehelligt kamen sie nach Mariabronn zurück...» [5, с.28] «**Никто** не повстречался им на пути, никем не замеченными возвратились четверо полуночников в Мариабронн...» [1, с.338].

Лишь в 11.3 % примеров отрицание представлено отрицательными наречиями *nie, niemals, nimmer, nimmermehr, nirgends, nirgendwo*. В свою очередь *nie, niemals, nimmer, nimmermehr* составляют синонимический ряд временных отрицательных наречий, из которых последние словарных статьях даются с пометами «возвышенный», «устаревший», «поэтический». *Nirgends, nirgendwo* являются локальными (местными) отрицательными наречиями. Ср.: «Der Jüngling nahm jeden Befehl, jeden Rat, jedes Lob des Abtes mit vollkommener Haltung entgegen, widersprach **niemals**...» [5, с. 10] «Юноша принимал всякое повеление, всякий совет, всякую похвалу аббата с поразительной невозмутимостью, **никогда** не прекословил...» [1, с.320]; «..., war **nie** verstimmt, und wenn da Urteil des Abtes über ihn richtig und sein einziges Laster der Hochmut war, so wußte er dies Laster wunderbar zu verbergen» [5, с. 10] «..., **никогда** не огорчался, и если мнение аббата о нем было верным, если единственным пороком юноши и в самом деле было высокомерие, то порок этот он прекрасно умел скрывать» [1, с.320]; «Einen solchen Baum,» sagte er, «habe ich noch **nie** gesehen» [5, с 14] «Такого дерева я еще **никогда** не видел, - молвил он затем». [1, с.325]; «Aber **nie** würde er das tun, **niemals**». [5, с.22] «Но **нет**, он **никогда не** сделает этого, **никогда**». [1, с.332]; «..., und **nie** hätte er, solange er Schüler war, sich den Gesetzen und Ehrbegriffen der Schülerschaft entzogen»./36, с.23/ «..., и пока он был учеником, он **никогда не** позволил бы себе пренебречь законами и понятиями ученической чести». [1, с.333]; «Da schien alles schon zu schlafen, bleich schimmerten die niederen Giebel, von den dunklen Rippen des Gebälks durchwachsen, **nirgends** war Licht». [5, с.25] «Здесь, казалось, вес давно уже спало; смутно белели в темноте низенькие фасады, расчерченные черными ребрами балок; света **нигде** не было видно». [1, с.335] «Es war übrigens gleichgültig, und es ging ihn nichts an, denn er würde **niemals** mehr

hierherkommen». [5, с.26] «Впрочем ему это было безразлично, его это не касалось: он все равно больше **никогда не** придет сюда». [1, с.336].

Наименее продуктивной моделью выступает использование различных словообразовательных средств: при помощи префиксов и суффиксов, путем словосложения (4,5% от общего количества примеров). Ср.: «..., mit dem ritterlich tadellosen Benehmen, ...» [5, с.9] «..., с его по-рыцарски безупречным поведением,...» [1, с.319]; «Ich habe dich oft für hochmütig gehalten, und vielleicht tat ich damit dir unrecht» [5, с. 10] «Возможно, я был несправедлив к тебе, считая тебя гордецом» [1, с.320]; «Ich wollte wohl, du wärest manchmal unartig, wie es junge Leute deines Alters sonst leicht sind.» [5, с. 10] «Я желал бы, чтобы ты порою совершал проступки, как это часто случается с твоими ровесниками.» [1, с.320]; « ..., und daß dies neue Gesicht zu den unbemerkten und schnell wieder vergessenen gehörte». [5, с.14] «..., и лицо это оказалось не из тех, которые так и остаются никем не замеченными и быстро предаются забвению» [1, с. 324].

Таким образом, анализ немецкоязычных художественных произведений иллюстрирует сложную многогранную систему немецкого отрицательного предложения, имеющую специфические особенности и закономерности, владеющую огромным количеством отрицательных языковых средств. На ранних этапах развития в немецком языке уже достаточно хорошо была развита система отрицания. Наличие отрицаний, выраженных сложными словами уже в двн. и свн., подтверждает, что немецкоговорящие племена старались передать смысл своего высказывания с использованием отрицательных слов. Отрицание во все основные периоды развития языка отрицание передавалось при помощи отрицательных частиц и отрицательных местоимений и наречий. Немецкое отрицание, в сравнении с русским, носит монологичный характер и более сложно семантически.

Библиографический список:

1. Гессе Г. Нарцисс и Гольдмунд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/GESSE/narciss.txt_with-big-pictures.html, свободный. (дата обращения 15.04.2024).

2. Carmina Burana [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tha.de/~harsch/Chronologia/Lspost13/CarminaBurana/bur_cam6.html#186, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/dwb/geistlich>, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
4. Ein Sendbrief vom Dolmetschen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blogs.bodleian.ox.ac.uk/taylor-reformation/digital-library/ein-sendbrief-vom-dolmetschen/>, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
5. Hesse H. Narziss und Goldmund [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/Hesse_Hermann/Narzi_und_Goldmund.html#0, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
6. Muspilli [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tha.de/~harsch/germanica/Chronologie/09Jh/Muspilli/mus_frag.html, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
7. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache: Ein Lehrbuch für das germanistische Studium. 8th edn. Stuttgart: S. Hirzel, 2000.
8. Vogelweide W. Gewalt der Minne [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.projekt-gutenberg.org/zoozmann/waltherv/chap032.html>, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
9. Vogelweide W. Muget ir schouwen... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zgedichte.de/gedichte/walther-von-der-vogelweide/muget-ir-schouwen.html>, свободный. (дата обращения 15.04.2024).
10. Wright J. Old High German Grammar [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vdocuments.mx/joseph-wright-old-high-german-grammar.html?page=9>, свободный. (дата обращения 15.04.2024).

Сведения об авторе:

Васильева Светлана Александровна, учитель МБОУ «Лицей № 28 гор. Йошкар-Олы», гор. Йошкар-Ола, Российская Федерация, e-mail: school28ola@mail.ru

УДК 343.57

Влазнева К.А., Пономаренко Е.В.

Особенности добровольного отказа от сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Peculiarities of voluntary refusal to sell narcotic drugs, psychotropic substances or their analogs

Аннотация. Автором в статье проведен анализ судебной практики по статье 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявлены особенности добровольного отказа от сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Представлены ответы на следующие проблемные вопросы, возникающие у правоприменителей при квалификации действий лиц, добровольно отказавшихся от сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: 1) является ли такой отказ добровольным отказом от совершения преступления; 2) возможна ли переквалификация совершенных действий на ст. 228 Уголовного кодекса РФ, а также применение пункта 1 примечаний к данной статье об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Ключевые слова: наркопреступность, наркотические средства, психотропные вещества, сбыт наркотических средств, добровольный отказ от совершения преступления.

Abstract. The author in the article analyzes judicial practice under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, reveals the peculiarities of voluntary refusal to sell narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. The answers to the following problematic questions arising for law enforcers in qualifying the actions of guilty persons who voluntarily refused to sell narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues are presented: 1) whether such refusal is a voluntary refusal to commit a crime; 2) whether it is possible to reclassify the committed

actions to article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the application of paragraph 1 of the notes to this article on the exemption of a person from criminal liability in connection with the voluntary surrender of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

Keywords: drug crime, narcotic drugs, psychotropic substances, sale of narcotic drugs, voluntary refusal to commit a crime.

Наркопреступность является одной из главных проблем всего международного сообщества, степень социальной опасности которой невозможно переоценить. Наркомания и незаконные действия, способствующие ее распространению, создают реальную угрозу для здоровья как самих потребителей наркотиков, так и для всей российской нации, подрывают основы социального и экономического развития государства.

Российское государство, обеспечивая право граждан на охрану здоровья, в целях поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, статьей 228.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) предусмотрело ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [1].

Одной из актуальных проблем в данной сфере является квалификация действий лица, добровольно отказавшегося от сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [8, с. 168]. Закономерно возникают вопросы, а является ли такой отказ добровольным отказом от совершения преступления? Или же он является обстоятельством, смягчающим наказание за совершение неоконченного преступления? Возможны ли переквалификация совершенных действий на ст. 228 УК РФ и применение пункта 1 примечаний к данной статье об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов?

Для ответа на вышепоставленные вопросы необходимо обратиться к судебной практике.

Так, К.М.А. признана виновной в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, а также в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств [2]. Адвокат К.М.А. обратился с надзорной жалобой в Верховный Суд РФ, в которой утверждает о ненадлежащей оценке судом действий К.М.А. по добровольной выдаче наркотических средств. Судебная коллегия отменила решения в части осуждения К.М.А. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ ввиду следующего. К.М.А. в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий добровольно сообщила сотрудникам правоохранительных органов о том, что в не принадлежащем ей гараже хранится наркотическое средство, о чем до этого сотрудникам правоохранительных органов известно не было. Учитывая, что К.М.А. находилась под подпиской о невыезде, она в полной мере осознавала возможность доведения преступления до конца: сбыть наркотик, но добровольно и окончательно отказалась от завершения преступления. В связи с этим Верховный суд РФ заключил, что действия К.М.А. по добровольной выдаче наркотических средств, находившихся в гараже, должны рассматриваться как добровольный отказ от совершения преступления.

Приведем еще пример из судебной практики. Р.К.Н., М.А.С. осуждены за совершение, в том числе, преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [5]. При обжаловании судебных решений Р.К.Н. в кассационной жалобе указывает, что действия М.А.С., по добровольному сообщению о произведенных закладках наркотических средств надлежит квалифицировать как добровольный отказ от совершения преступления, связанного с незаконным сбытом наркотических средств. Однако судебная коллегия постановила, что действия М.А.С. не могут расцениваться как добровольный отказ от совершения преступления, поскольку наркотические средства были выданы им в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, проводимых с целью изъятия.

В судебной практике сложился подход, согласно которому действия лица, задержанного сотрудниками правоохранительных органов, по сообщению информации о месте нахождения наркотических средств, которая ранее им была неизвестна, признаются смягчающим наказанием

обстоятельством в виде активного способствования раскрытию и расследованию преступления, но не признаются добровольным отказом от совершения преступления [9, с. 142].

Так, С.Д.Н. по приговору Челябинского областного суда был осужден, в частности, за покушение на незаконный сбыт наркотических средств [6]. В кассационной жалобе Адвокат В.В.В. утверждает о том, что поскольку С.Д.Н. после задержания оказывал сотрудничество следствию: добровольно показал места закладок наркотических средств, сообщил о наркотическом средстве, хранящемся у него дома, его действия свидетельствуют о добровольном отказе от совершения преступления. Судебная коллегия, отвергая данный довод, справедливо отмечает, что речи о добровольном отказе не может быть, т.к. преступная деятельность С.Д.Н. пресечена сотрудниками правоохранительных органов в связи с его задержанием. То есть С.Д.Н. не имел реальной возможности продолжить преступную деятельность, будучи задержанным.

Кроме того, приговором Калужского районного суда Д. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Защитник К.П.Л. в кассационной жалобе утверждает, что со стороны Д. при задержании имел место добровольный отказ от совершения преступлений в отношении наркотических средств, поскольку Д. как раз шла к мусорным бакам, чтобы выбросить имеющиеся при ней наркотические средства, а также выражает несогласие с выводом суда апелляционной инстанции относительно неприменения положений пункта 1 примечаний к ст. 228 УК РФ за совершение преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Судом кассационной инстанции данные доводы опровергаются в связи с совокупностью исследованных и изложенных в приговоре обстоятельств: «при раскладке наркотических средств и психотропных веществ в тайники она заметила слежку за ней и мужем, поэтому предложила последнему выкинуть оставшиеся у них наркотические средства, что свидетельствует о ее желании избежать уголовной ответственности, а не о добровольном отказе от совершения преступления» [7].

Следует отметить, что положения пункта 1 примечаний к ст. 228 УК РФ являлись предметом жалобы, поступившей в Конституционный Суд РФ. Р.Н.Р., осужденный за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой, в которой просит признать не соответствующим Конституции РФ пункт 1 примечаний к ст. 228 УК РФ в связи с тем, что оно не подлежит применению к другим статьям уголовного закона, в частности, к нормам о сбыте наркотических средств, в связи с чем фактически лишает каких-либо привилегий лиц, добровольно выдавших такие средства сотрудникам правоохранительных органов, нивелируя тем самым роль добровольного отказа в области данных преступлений. Конституционный суд не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению ввиду следующего: «нераспространение п. 1 примечаний к ст. 228 УК РФ на иные преступления связано с установлением неодинаковых условий уголовного преследования для лиц, совершивших разные преступления, направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия» [3]. Таким образом, оспариваемая норма является соответствующей Конституции РФ.

Определенными особенностями характеризуется добровольный отказ исполнителя от сбыта наркотических средств в случае, когда сбыт совершается в соучастии [10, с. 158]. Анализ судебной практики показывает, что в таком случае отказ должен быть осуществлен только в активной форме, то есть ему необходимо принять меры, направленные на предотвращение завершения сбыта наркотических средств (например, изъять и уничтожить наркотические средства, своевременно сообщить сотрудникам правоохранительных органов о совершаемом сбыте наркотических средств и т.д.) [4].

Таким образом, в настоящее время судебной практикой формируется подход, согласно которому добровольный отказ от сбыта наркотических средств признается добровольным отказом от совершения преступления в том случае, когда в отношении лица не

совершаются уголовно-процессуальные действия. Если суд приходит к выводу о наличии у виновного реальной возможности довести преступление до конца, например, если он находится под подпиской о невыезде, и им совершены действия по добровольному отказу от сбыта наркотических средств, то такой отказ является добровольным отказом от совершения преступления. Факт же задержания лица означает отсутствие у него реальной возможности довести преступление до конца, а потому его действия по добровольному отказу от сбыта наркотических средств не могут быть расценены как добровольный отказ от совершения преступления. Не является добровольным отказом также выдача наркотического средства лицом во время осуществления оперативно-розыскного мероприятия (например, обыск, выемка).

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 13. – Ст. 1687.
2. Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2010 № 67-Д10-16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=276909&cacheid=45F741AF851B6AE9F301F7668510EB04&mode=splus&rnd=oomlP9Uhr5wvkeY#6GolP9UOTZASrPFW>.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 №287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ремизова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 228 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=455620&cacheid=C79BEA7F68077B138370187E1ED730FE&mode=splus&rnd=oomlP9Uhr5wvkeY#P1A7Q9UFDjBWyzUY>.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.03.2016 №73-АПУ16-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=454793&cacheid=AA4236F7F66ADFA33ABF8D450C3857CE&mode=splus&rnd=M67AZA#2JvCR9UAqcXixYht>.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.02.2023 № 25-УД22-37.

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749609&cacheid=AC69B36110D54523440E8C209D9D9C90&mode=splus&rnd=oomlP9UhgR5wvkeY#JnwP9UoWQf7RasU>.

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 48-УД23-12-А2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=763238&cacheid=3B7AEA73E43F6F7386C503A36DC3A403&mode=splus&rnd=oomlP9UhgR5wvkeY#ozPxP9UQMMIYOJps>.

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2024 №77-127/2024, 77-5982/2023. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=156565&cacheid=93416B243C23E16BE2F033B4384004CA&mode=splus&rnd=oomlP9UhgR5wvkeY#iNvBQ9Uusu4htpOM6>.

8. Копшева К.О., Пономаренко Е.В. Уголовное право (Особенная часть) (в вопросах и ответах): учебное пособие. –Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023. 277 с.

9. Копшева К.О., Пономаренко Е.В. Обоснованность наличия некоторых уголовно-правовых запретов с точки зрения критериев криминализации в уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2(139). С. 140-144.

10. Пономаренко Е.В. Совершенствование уголовного законодательства в части незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3(122). С. 154-160.

Сведения об авторах:

Влазнева Кристина Александровна, студентка Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: chudaykinakristina13@gmail.com

Пономаренко Елена Валерьевна, научный руководитель, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: ponomarenko@mail.ru

УДК 343.346.54

Герасимова А.А., Кривовяз В.А., Пономаренко Е.В.

**Уголовно-правовые последствия оставления
места дорожно-транспортного происшествия**

**Criminal and legal consequences of leaving the scene
of a road traffic accident**

Аннотация. В современных реалиях количественного роста автовладельцев и вытекающего из этого увеличения дорожно-транспортных происшествий возникает необходимость качественного регулирования безопасности дорожного движения. Одним из механизмов такого регулирования выступают меры уголовно-правового характера. Авторами проанализировано понятие «оставление места дорожно-транспортного происшествия», а также сформулирована его возможная для законодательного закрепления дефиниция. В работе также рассмотрена взаимосвязь квалифицирующих признаков ч.ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ – оставление места ДТП и управление транспортным средством в состоянии опьянения. Особое внимание обращается на проблемы правоприменительной практики в истолковании указанных норм, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и позиции Конституционного Суда РФ. В этой связи авторами предложен путь приведения судебной практики к единообразию.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, оставление места ДТП, состояние опьянения, безопасность дорожного движения, преступление.

Abstract. In the current realities of the quantitative growth of car owners and the resulting increase in road accidents, there is a need for qualitative regulation of road safety. Criminal law measures are one of the mechanisms of such regulation. The authors analyzed the concept of "leaving the scene of a road traffic accident" and formulated its possible definition for legislative enshrinement. The paper also considers the relationship of qualifying features

of part 2, 4, 6 of article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation - leaving the scene of a road accident and driving a vehicle in a state of intoxication. Special attention is paid to the problems of law enforcement practice in the interpretation of these norms, as well as the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation. In this regard, the authors propose a way to bring judicial practice to uniformity.

Keywords: road traffic accident, leaving the scene of a road traffic accident, intoxication, road safety, crime.

Автотранспорт, согласно ст. 1079 Гражданского Кодекса РФ и судебной практике [3], относится к категории транспортных средств, представляющих повышенную опасность при его эксплуатации. Данные тезис подтверждается статистическими сведениями о дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), учет которых осуществляется в рамках деятельности подразделений Госавтоинспекции МВД России. По представленным ими показателям за 2021 год было совершено 10 512 ДТП, с места совершения которых транспортные средства скрывались и в результате которых погибло 577 человек, а ранено 10 618; за 2022 год – 9867 ДТП, погибло 513 человек, ранено - 9 973; за 2023 -10 446 ДТП, погибло 466 человек, ранено – 10 587 [4].

Как видно, дорожно-транспортные происшествия частая, серьезная и актуальная проблема, статистика которых из года в год остается неизменной, что свидетельствует о недостаточности мер правового воздействия для предотвращения «уезда» с места ДТП. В данном контексте следует уделить особое внимание уголовно-правовым мерам, применяемым в отношении водителей, а также их реализации правоприменителем. Именно они служат действенным инструментом качественного снижения уровня нарушений правил дорожного движения, повышения уровня правосознания водителей, тем самым пресекая и предотвращая ДТП с тяжкими последствиями.

Стоит отметить, что законодателем не закреплено определение признака «оставление места дорожно-транспортного происшествия»,

что образует неясность не только в вопросах квалификации действий лица, но и в его виновности [12, с.142]. В этой связи, представители научного сообщества, в частности, А.И. Волошин и С.А. Деревянкина под оставлением места ДТП понимают «удаление причастного к нему водителя с места аварии на значительное расстояние и время» [2, с. 112]. Данную дефиницию нельзя назвать удачной по следующим причинам. Так, ссылка на значительное расстояние и время представляется абстрактной и нецелесообразной, поскольку при квалификации деяния и виновности лица не имеет значение как далеко и насколько он скроется с места ДТП. Единственным условием правомерного оставления места ДТП является необходимость оказания потерпевшим экстренной медицинской помощи, когда невозможно отправить пострадавшего на попутном транспорте. Однако перед этим на водителя возлагается обязанность зафиксировать положение транспортного средства, следы и предметы в присутствии свидетелей (а при невозможности их привлечения – посредством фото- и (или) видеозаписи), а также принять меры к их сохранению и организовать объезд места ДТП. По выполнении указанных действий и доставлении пострадавшего в ближайшее лечебное учреждение водитель обязан вернуться на место ДТП для фиксации происшествия сотрудниками ГИБДД.

Исходя из этого, представляется, что оставление места ДТП – это ситуация, при которой участник любым способом покидает место ДТП до приезда сотрудников ГИБДД или следственной группы, сопряженное с невыполнением предписаний п.п. 2.5, 2.6 Правил дорожного движения, а также невозвращением на место ДТП с целью избегания ответственности или сокрытия состояния опьянения.

Здесь же стоит отметить взаимосвязь двух квалифицирующих признаков ч.ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ. Федеральным законом № 65-ФЗ указанные нормы были дополнены квалифицирующим признаком, связанным с оставлением места ДТП. Введение данных положений УК РФ стало следствием признания Конституционным судом РФ противоречащим Конституции РФ п. 2 примечания к ст. 264 УК РФ, согласно которому лицо, управляющее транспортным средством в

состоянии опьянения и совершившее преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, скрывалось с места ДТП, тем самым избегая более строгого наказания [5]. Таким образом, при тех же условиях водители, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения и оставшиеся на месте преступления, находились в невыгодном положении. Фактически в правоприменительной практике при помощи такого недостатка правового регулирования водитель скрывался с места преступления, и даже если правоохранительные органы находили его спустя непродолжительное время, водитель мог настаивать на том, что употребил алкоголь или наркотические средства уже после ДТП, а скрылся из-за страха быть привлеченным к уголовной ответственности. В таком случае затруднялся процесс доказывания, вследствие чего лицу могло быть назначено несправедливое наказание, а значит задачи и принципы уголовного законодательства достигались и соблюдались не в полной мере. В этой связи Ю.Б. Суворов справедливо отмечал, что водители, скрывающиеся с места ДТП, могут избежать ответственности за наличие опьянения и другие нарушения ПДД, что может оказаться для них более выгодным, чем ожидание инспекторов и получение штрафов [10, с. 296].

Тем не менее, такая позиция Конституционного суда РФ используется правоприменителями не всегда, так как суды продолжают трактовать п. 2 примечания к ст. 264 УК РФ буквально, в том числе руководствуясь разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [6].

В частности, приговором Кировского районного суда г. Уфы от 15.07.2021 ФИО1 был осужден по п.п. «а», «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ [9]. Из материалов дела следует, что водитель допустил наезд на пешехода, после чего остановился и предложил товарищам пострадавшего отвезти последнего в больницу, на что получил отказ, так как была вызвана скорая медицинская помощь. Затем ФИО1 покинул место ДТП, был обнаружен сотрудниками ГИБДД спустя сутки, в результате чего была

утрачена возможность проведения в отношении него процедуры освидетельствования на состояние опьянения. В качестве доказательств, свидетельствующих о нахождении водителя в состоянии алкогольного опьянения, суд принял показания свидетелей, заявивших о нетрезвости водителя лишь по внешним признакам. Иных доказательств, свидетельствующих о нахождении ФИО1 в состоянии алкогольного опьянения исследовано не было.

Представляется, что такое решение является не единичным в судебной практике, а значит, подобные решения противоречат толкованию Конституционного суда РФ и принципу единообразия судебной практики [13, с.256].

Между тем существуют и положительные примеры привлечения лица к уголовной ответственности за оставление места ДТП, сопряженное с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Так, апелляционным постановлением Верховного суда республики Башкортостан от 21.05.2020 квалифицирующий признак п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ «совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения» был исключен из приговора суда низшей инстанции [1]. Вышестоящий суд мотивировал свое решение утратой объективной возможности установления факта нахождения в состоянии алкогольного опьянения Акимовым по прошествии времени, а именно, что имеющийся в деле акт медицинского освидетельствования в отношении Акимова подтверждает лишь факт нахождения последнего в состоянии алкогольного опьянения перед водворением последнего в ИВС, не опровергая доводы осужденного о том, что спиртное он употребил после дорожно-транспортного происшествия, находясь дома.

Кроме того, руководствуюсь положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [7] суд уточнил, что состояние опьянения водителя не может быть установлено на основании свидетельских показаний, показания свидетеля ФИО6 о том, что Акимов употреблял алкоголь, не могут быть приняты во внимание в подтверждение факта наличия у осужденного состояния опьянения.

Суд апелляционной инстанции исходит из того, что из свидетельских показаний нельзя установить, превышало ли количество алкоголя, выпитое Акимовым, допустимую концентрацию абсолютного этилового спирта в организме человека. Между тем, на практике нередко встречаются решения судов, где состояние алкогольного опьянения установлено и признано судом лишь на основании свидетельских показаний [8].

Анализ данных решений позволяет убедиться в отсутствии единого подхода правоприменителей к толкованию п. 2 примечания к ст. 264 УК РФ, разъяснений Пленума Верховного суда РФ и позиции Конституционного суда РФ [14, с.243].

Таким образом, стоит согласиться с позицией В.А. Сурцева и Г.М. Бжахова в той части, что совершение ДТП в состоянии опьянения и оставление места ДТП имеют разную социальную природу [11, с. 224]. Однако необходимо учесть, что управление транспортным средством в состоянии опьянения создает повышенную опасность для жизни и здоровья других участников дорожного движения. Вместе с тем, оставление места ДТП таким признаком не обладает, то есть не создает угрозы жизни и здоровью другим людям, хоть также является преступлением, поскольку наносит вред обществу.

В этой связи, с целью приведения правоприменительной практики к единообразию, а также обеспечения эффективной и справедливой ответственности, предлагается усовершенствовать нормы права, устанавливающие и разъясняющие ответственность за совершение преступления, предусмотренного п.п. «а», «б» ст. 264 УК РФ.

Представляется, что законодатель может закрепить изложенное Конституционным судом РФ толкование, что п. 2 примечания к ст. 264 УК РФ не предполагает отнесение к находившимся в состоянии опьянения лиц, покинувших место ДТП, независимо от причин и мотивов, обусловивших такое поведение, а оставление водителем места ДТП не равнозначно ни установлению факта опьянения, ни отказу от прохождения освидетельствования, непосредственно в данной статье уголовного законодательства или в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам

о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Таким образом, судам будет проще применять на практике данную норму, что сформирует положительную практику привлечения виновных лиц к ответственности.

Библиографический список:

1. Апелляционное постановление № 22-2103/2020 от 21 мая 2020 г. // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.03.2024).
2. Волошин А. И., Деревянкина С. А. Ответственность за оставление места ДТП: административная или уголовная? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. С. 110-115.
3. Источник повышенной опасности - судебная практика «Решения судов, основанные на применении нормы статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.03.2024).
4. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 26.03.2024).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 №17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2024).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
8. Приговор № 1-191/2019 от 4 декабря 2019 г. по делу № 1-191/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2024)

9. Приговор № 1-286/2021 от 15 июля 2021 г. по делу № 1-286/2021 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.03.2024)
10. Суворов Ю. Б. К вопросу об ответственности водителей за оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия (ДТП) // Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI международной научной конференции в 4 частях. М., 2020. С. 294-302.
11. Сурцев А.В., Бжахов Г.М. Оставление места ДТП: отдельные вопросы квалификации // Право и управление. 2023. №7. С. 221-225.
12. Копшева К. О., Пономаренко Е. В. Обоснованность наличия некоторых уголовно-правовых запретов с точки зрения критериев криминализации в уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2(139). С. 140-144.
13. Копшева К. О., Пономаренко Е. В. Уголовное право (Особенная часть) (в вопросах и ответах): учебное пособие. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2023. 277 с.
14. Копшева К. О., Пономаренко Е. В. Уголовное право (Особенная часть): учебное пособие. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2022. 267 с.

Сведения об авторах:

Герасимова Алина Андреевна, студентка 3 курса, группы ИПДЮР 21-02 по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: gerasimovaalinka14@gmail.com

Кривовяз Валерия Алексеевна, студентка 3 курса, группы ИПДЮР 21-02 по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: krivovazvaleria91@gmail.com

Пономаренко Елена Валерьевна, научный руководитель, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: pomomarenko@mail.ru

УДК 811.11

Городова О.В.

**Сопоставительная характеристика концепта «счастье»
в немецком и русском языках**

**Comparative characteristics of the concept of "happiness"
in German and Russian**

Аннотация. Статья раскрывает множественность интерпретации концепта «счастье» во фразеологических единицах немецкого и русского языков. Сопоставительный анализ позволяет выявить тождества и различия в картинах мира обоих народов.

Ключевые слова: немецкий язык, русский язык, концепт «счастье», фразеологическая единица, сопоставительное языкознание.

Abstract. The article reveals the multiplicity of interpretation of the concept of "happiness" in phraseological units of the German and Russian languages. Comparative analysis reveals the identities and differences in the world pictures of both peoples

Keywords: German, Russian, the concept of "happiness", phraseological unit, comparative linguistics.

В менталитете разных народов можно выделить ряд концептов, базовых понятий, которые развиваются независимо от языка. Мироззрение, культура, образ жизни, традиции и обычаи этносов обладают отличительными особенностями, в результате чего возникают различия в содержательном наполнении концептов. Но существуют универсалии – концепты, которые встречаются почти во всех культурах. В данной работе концепт «счастье» является ключевым для раскрытия и понимания представлений о нематериальной сущности человека в немецкой и русской культурах, представляет собой один из важных, базовых элементов, формирующих языковую картину мира, закрепляющуюся и сохраняющуюся в национальном

менталитете. Работа нацелена на исследование языковых единиц, в значениях которых раскрывается и репрезентируется смысловое наполнение концепта «счастье» в немецком и русском языках. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из двуязычных и одноязычных словарей [1, 2, 7, 8].

Счастье во фразеологических единицах часто персонифицируется, ему присваиваются человеческие черты: *das Glück fiel ihm in den Schoss* ‘счастье ему с неба свалилось’; *das Glück lächelt ihm* ‘счастье ему улыбнулось’, *das Glück schwand dahin* ‘счастье ушло безвозвратно’, *das Glück war ihm zuwider* ‘счастье ему не улыбалось’, *dieses Glück ist vom Himmel gefallen* ‘это счастье как с неба свалилось’, *Glück macht Freunde, Unglück prüft* ‘в счастье друзья приобретаются, а в несчастье испытываются’.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц в немецком и русском языках позволяет дифференцировать их на отдельные семантические группы в соответствии с заданным значением, однако, следует подчеркнуть, что границы между ними размыты, так как смысл каждой фразеологической единицы может быть понят по-разному.

К первой группе относятся ФЕ, отождествляющие счастье с фортуной, судьбой, удачным стечением обстоятельств, что находит свое отражение и в народном сознании. Данные ФЕ характерны в равной степени для русского и немецкого языков. Ср.: нем. *etwas auf gut Glück versuchen* ‘попробовать что-либо на счастье’, *er hat eine glückliche Hand* ‘у него счастливая рука’, *du kannst von Glück reden* ‘тебе повезло’, *Wem’s glückt, dem legt ein Hahn Eier* ‘кому везет, у того и петух яйца несет’, *Mit der Glücksfallhaube geboren sein* ‘родиться в сорочке’; русс. «Было бы *счастье*, а дни впереди»; «В рубашке родился / В сорочке родился»; «Для *счастья* ума не надо»; «Кому *счастье* служит, тот ни о чем не тужит»; «Не родись красивым, а родись *счастливым*»; «Со *счастьем* на клад набредешь, без *счастья* и гриба не найдешь»; «*Счастливому* везде *счастье*»; «*Счастливый* и в огне не сгорит, и в воде не потонет»; «*Счастье* лучше богатства»; «*Счастливое* дитя и без сорочки *счастливо*».

Во второй группе представлены ФЕ, которые определяют взаимосвязь двух противоположных понятий «счастье – несчастье», поскольку испытание несчастья предполагает истинность познания настоящего счастья. Тожественные воззрения зафиксированы в обоих языках. Ср.: нем. *Glück im Unglück haben* ‘не было бы счастья, да несчастье помогло’; *Unglück im Spiel, Glück in der Liebe* ‘не везет в игре - везет в любви’; *in Glück und Unglück zusammenhalten* ‘делить радость и горе’; *Glück macht Freunde, Unglück prüft* ‘друзья познаются в беде’; *zu viel Glück ist Unglück* ‘и май живет ненастен, и в счастье человек бывает несчастен’; *der ist glücklich genug, der keine Zeit hat, unglücklich zu sein* ‘кто в радости живет, того и кручина неймет’; *Glück und Unglück sind wie zwei Eimer im Brunnen: zieht man den einen auf, so sinkt der andere ab* ‘Счастье с несчастьем - что ведро с ненастьем: живут переменчиво’; русс. «И май живет ненастен, и в счастье человек бывает несчастен»; «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло»; «Счастлив бывал, да бессчастье в руки поймал»; «Счастье с бессчастьем — что ведро с ненастьем: живет переменчиво». С другой стороны, данные понятия «счастье-несчастье» являются антонимами, поэтому во ФЕ противопоставляются друг другу: «Счастливый скачет, несчастный плачет»; «Счастье на коне, бессчастье под конем»; «Счастье ума прибавляет, а несчастье - последний отнимает»; «У счастья - короткие ноги, у горя - каждый шаг семимильный».

ФЕ, раскрывающие объем понятия «счастья» (большое или маленькое), представлены в третьей группе. Ср.: Bei großem *Glück* ist wenig Klugheit ‘счастье без ума - дырявая сума’; Bei kleinem *Glück* ist kleine Sorge лучше ‘в малом - да удача, чем в огромном - да провал’; Großes *Glück* ist schwer zu tragen ‘счастье как вода: в бредне тянешь - надулось, а вытащишь – ничего нет’.

В четвертую группу вошли ФЕ, которые выявляют неразрывную связь счастья с человеческим разумом: чем больше человек руководствуется разумом, тем меньше он верит в судьбу. Индивид мыслит логически, анализируя факты действительности и пытаясь объяснить научным путем и такое абстрактное явление как счастье. Ср.: нем. *Wer Glück hat, braucht keinen Verstand, wer Verstand hat, braucht kein*

Glück, Wo's *Glück* einkehrt, wandert der Verstand aus, Je weniger Verstand, desto mehr *Glück*- для счастья ума не надо'. В русских ФЕ четко прослеживается установка, что человек является создателем своего счастья, человек - как высшая сила, в руках которого находится «механизм» счастья. Ср.: русс. «Кто за *счастьем* борется, к тому оно и клонится»; «Каждый человек - кузнец своего *счастья*»; «Наше *счастье* в наших руках»; «*Счастье* в воздухе не вьется, а руками берется»; «*Счастье* в нас, а не вокруг да около»; «*Счастье* не ищут, а делают».

Пятая группа ФЕ подчеркивает мимолетность счастья, которое может изменить судьбу человека к лучшему или к худшему. Ср: нем. am *Glück* vorbeigehen 'пройти мимо своего счастья'; *Das Glück* ist aus Flandern"; es geht von einem zum andern 'счастье - вольная птичка, где захотело, там и село'; *das Glück* ist wandelbar 'счастье в оглобли не впряжешь'; *das Glück* hat seine Laune 'счастье в руки не поймаешь'; *das Glück* hat ihm den Rücken gekehrt 'счастье отвернулось от него'; русс. «В один дом по два раза *счастье* не ходит»; «Легче *счастье* найти, чем его удержать»; «Мое *счастье* разбежалось по сучкам, по веточкам»; «Наше *счастье* - решето дырявое»; «От *счастья* не бегут, *счастье* догоняют»; «*Счастье* в оглобли не впряжешь»; «*Счастье* в руки не поймаешь»; «*Счастье* как вода: в бредне тянешь - надулось, а вытащишь - ничего нет».

В шестой группе собраны ФЕ, которые определяют огромный труд и отвагу, как главные составляющие для достижения счастья. Чтобы получить счастье человеку необходимо приложить массу усилий: *das Glück* ist dem Kühnen hold 'смелость города берет', *das Glück* muss man erobern 'счастье нужно завоевать', Jeder ist *seines Glückes* Schmied 'каждый кузнец своего счастья'. Однако, как известно, человек не ценит того, что имеет, и его стремление к благополучию наталкивается на барьер непонимания или неосознанности счастья: русс. «За *счастьем* человек бежит, а оно у ног головы»; «На *счастье* грех роптать». И чтобы познать истинное счастье, человек должен испытать печаль, горе, лишения. Ср.: русс. «Кто горя не видал, тот и *счастья* не знал»; «Наше *счастье*-дождь да ненастье»; «Горе бояться - и *счастья* не видать». [56, с.253-254]

В целом можно отметить, что в понятии «счастье» содержатся два постоянных семантических признака: «желание» и «благо», а ядром является сема «блаженство». В немецкой картине мира придается огромное значение счастью, его достижению. Путь к счастью нелегок, нужно приложить не мало усилий, чтобы приблизиться к нему и почувствовать состояние блаженства. В то время как в русском сознании счастье сравнивается то с конем, то с водой, то с вольной птичкой, что говорит о том, что счастье выступает в виде живого существа, которому присуща неустойчивость и изменчивость, что в корне отличается от немецких идиом, в которых очень редко встречаются зоонимы. Персонализация счастья также четко отображается в народной мысли, например, «Счастье - как солнышко, улыбнется и скроется; мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам; Счастье - вольная птичка: где захотело, там и село. В один дом по два раза счастье не ходит и др.». В немецком языке огромные усилия прилагаются для достижения счастья, а в русском, наоборот, преобладает счастье в значении судьбы и удачи, не зависящие от человека. В русском сознании счастье несоизмеримо, оно выступает как высшая сила, от которой зависит судьба человека, тогда как в немецких пословицах счастье может быть и большим, и малым. В связи с этим счастье выступает то, как могущественная сила, которая решает судьбу человека, то, как средство, с помощью которого субъект строит свою жизнь.

Библиографический список:

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1995. 768 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Философские науки, 2001. № 1. С. 111-147.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4т. М.: Наука, 1989. Т.3. 5764 с.
4. Колесов В.В. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетия. Серия «Мыслители». Выпуск 11. СПб, 2002. С. 98-106.

5. Колиева И.Г. Концепты «Glück» и «счастье» в немецком и русском языковом сознании // Вестник КГУ. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-gl-ck-i-schastie-v-nemetskom-i-russkom-yazykovom-soznanii> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Лихачев д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997. С. 280-287.
7. Словарь пословиц на 8 языках / сост. Д. Сверчинская, А. Сверчинский. М.: АСТ; СПб: Апрель-СПб, 2008. 416 с.
8. Graf A.E. 6000 deutsche und russische Sprichwörter. Halle, 1968.

Сведения об авторах:

Городова Ольга Васильевна, учитель МБОУ «Лицей № 28 гор. Йошкар-Олы», гор. Йошкар-Ола, Российская Федерация.

УДК 94(47)+37.0+378.4

Дунаева Ю.В.

Педагогические новации В.И. Герье

Pedagogical innovations of V.I. Guerrier

Аннотация. В статье рассматривается педагогическая деятельность известного историка Владимира Ивановича Герье (1837–1919). Основное внимание уделено его новаторскому педагогическому способу обучения – организации семинаров для студентов. Показана активная роль В.И. Герье в организации и развитии женского образования на примере Московских высших женских курсов.

Ключевые слова: В.И. Герье, история педагогики, женское образование, Высшие женские курсы.

Abstracts. The article deals with the pedagogical activity of the famous historian Vladimir Ivanovich Guerrier (1837-1919). The main attention is paid to his innovative pedagogical method of teaching - organization of seminars for students. The active role of V.I. Guerrier in the organization and

development of women's education on the example of Moscow Higher women's courses is shown.

Keywords: V.I. Guerrier, history of pedagogy, women's education, higher women's courses.

Владимир Иванович Герье родился в 1837 г. в семье выходцев из Лотарингии. В 1854 г. он поступил в Московский университет, который окончил с блеском и был оставлен для подготовки к диссертации. Во время учёбы на него значительное влияние оказали лекции Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева. После окончания университета В.И. Герье был отправлен в заграничную стажировку. Он занимался в университетах Берлина, Гейдельберга, Бонна где слушал лекции выдающихся зарубежных учёных, применявших передовые приемы в преподавании и изучении истории: Т. Моммзена, Л. фон Ранке, И.Г. Дройзена.

Освоив передовой опыт преподавания в зарубежных университетах Герье начал в 1865 г. свою педагогическую деятельность в Московском университете. В его стенах расцвёл талант Герье как педагога и исследователя. Герье был настоящим историком–всеобщником, он читал лекции по разным разделам зарубежной истории: истории Рима, истории Средних веков, истории Нового времени. Герье был одним из первых отечественных историков читавших курсы по истории Нового времени, используя материалы из российских и зарубежных архивов. Как отмечает ученик Герье Н.И. Кареев, лекции Герье «отличались систематичностью, содержательностью и широтой взгляда» [2, с. 574].

Особое место в педагогической и научной деятельности Герье занимает история Франции XVIII в. и Французской революции. Как подчёркивает известный исследователь жизни и творчества В.И. Герье Д.А. Цыганков, «в этом курсе Герье рассказывал о разнообразных исследовательских приёмах работы с источником, а задавая студентам практические работы по вопросам курса, которые выносились затем на экзамен, определял способность студента к самостоятельной работе» [4, с. 53]. Приступая к изложению курса по Новой истории, профессор обращал особое внимание на биографический жанр, особенно это

касалось истории Французской революции. Вместе с этим он знакомил студентов с новейшими концепциями Французской революции, представленными в зарубежной историографии. «События Французской революции рассматривались Герье преимущественно в контексте политической истории, но, пожалуй, впервые, русский историк попытался представить историю дореволюционной Франции и революцию как взаимосвязанные звенья единого процесса» [3, с. 16].

В.И. Герье одним из первых российских профессоров начал проводить, как их называли тогда семинарии, то есть семинарские занятия. Этот метод работы со студентами он позаимствовал из опыта немецкого преподавания истории. Но историк внёс и свой вклад в развитие семинаров, как педагогической работы. На семинарах студенты выступали с докладами, велись оживленные дискуссии по различным проблемам истории, источниковедения и историографии. Таким образом, подчёркивает Д.А. Цыганков, учащиеся не только получали дополнительный опыт работы, но и налаживались отношения профессор–студент. Первоначально для студентов старших курсов была предложена тема, посвященная жизни и деятельности императора Тиберия. Основой для работы стали первоисточники по истории Рима: «Анналы» Тацита, биография Тиберия. Со временем Герье добавил ещё новые темы и виды работ для студентов других. Был организован специальный семинар по проблемам Новой истории и историографии. В семинаре посвященном истории Французской революции анализировалась работа А. де Токвиля «Старый порядок и революция». По–прежнему велась работа над источниками, которые мы называем сейчас «источники личного происхождения»: дневники, воспоминания. Как пишет Д.А. Цыганков, «впервые в отечественной историографии в семинарах Герье было уделено внимание и наказам сословий депутатам, ключевому источнику по общественным настроениям французского общества периода предшествующего революции» [4, с. 62]. Первоначально посещение семинаров не было обязательным. После принятия университетского Устава 1884 г. студенты должны были написать письменные работы по темам семинарских занятий. Таким образом семинары Герье выполняли несколько функций. Во–первых,

студенты получили возможность глубже изучить избранную тему, ознакомиться с источниками, учились использовать разные методы исследований. Во-вторых, на семинарских занятиях устанавливались прочные отношения учитель–ученик, что также способствовало студенческой работе. В-третьих, семинары давали студентам возможность увеличить количество письменных работ, что содействовало росту профессионализма и подготовке к научной работе.

Вторым важнейшим направлением работы В.И. Герье была организация Высших женских курсов, или «курсов Герье» в 1872 г. В истории курсов можно выделить два этапа. Первый этап длился с 1872 г. по 1888 г., второй этап – с 1900 г. по 1918 г. Курсы задумывались как просветительское учреждение и первоначально не давали никакого статуса закончившим их. Но, не смотря на это, в обществе вопрос о женском образовании был настолько актуальным, что женщины стремились любым образом получить образование. Первый набор насчитывал 59 девушек, в их числе были учащиеся из разных городов страны. Следует отметить, что социальный состав курсисток был разный, среди них были представительницы богатых слоёв общества, интеллигенции, разночинцы.

В.И. Герье занимался всеми проблемами курсов от их организации до финансов. Как показала практика, Герье проявил себя как талантливый администратор и организатор учебного процесса. Ведь дело начиналось практически с нуля. Нужно было не только организовать учебный процесс, но и найти помещения для проведения занятий, сформировать библиотеку для студенток. Первое время занятия проходили на частных квартирах и арендуемых помещениях. Только в 1907 г. началось строительство зданий, предназначенных для курсов.

Большое внимание Герье уделял подбору преподавателей. Это были лучшие умы университетов: В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, Ф.А. Бредихин, Н.И. Кареев и др. В.И. Герье читал несколько курсов, всеобщую историю и историю цивилизаций. В организации учёбы Герье также ввёл новшества, кроме лекций проводились семинары, на которых курсистки выступали с рефератами,

которые обсуждались слушательницами. Важную роль играли обсуждение и полемика. По воспоминаниям курсисток, профессор строго относился к выступлениям на семинарах. Семинары расширяли научный кругозор курсисток. Для подготовки к занятиям учащиеся собирали информацию по конкретному вопросу, изучали дополнительную литературу, учились критически оценивать результаты, обобщать полученную информацию и делать на этой основе выводы. Таким образом вырабатывался навык самостоятельной работы, критического мышления, умения работать с литературой и источниками. Всё это, несомненно, повышало уровень образования курсисток.

На первом этапе учебная программа курсов была историко–филологической, из естественных наук присутствовал только физика. А так в основном читались лекции по русской и иностранной литературе, всеобщей истории и истории России, истории цивилизаций, истории искусства. По замыслу Герье, курсы должны были давать женщинам право не только получить образование, но и просветить их так, чтобы они были способны преподавать в женских учебных заведениях.

На втором этапе увеличился срок обучения на курсах от двухлетнего до четырёхлетнего. Были открыты новые отделения: физико–математическое, медицинский факультет, естественно–историческое.

Особо следует остановиться на финансировании курсов. На первом этапе курсы были частной инициативой. Герье рассчитывал на помощь со стороны московской интеллигенции, но вначале она отнеслась к нововведению прохладно, иногда даже иронически. Дело дошло до того, сам В.И. Герье и его жена пожертвовали курсам не малые суммы денег. Со временем, убедившись в том, что курсы – дело серьёзное, московские меценаты стали помогать им. Ещё одним источником финансирования была плата вольных слушательниц. Следует отметить, что сам В.И. Герье не получал зарплаты. Благодаря его неустанной работе в организационном и финансовом плане курсы прошли путь от

частного образовательного учреждения до полноценного учебного заведения.

В.И. Герье не стал останавливаться на достигнутом и поставил целью добиться того, чтобы курсистки, по окончании курсов, получали профессию педагога. Для этого в 1879 г. Герье разработал Устав курсов, согласно которому увеличилось число преподаваемых предметов, а выпускницы получали возможность устроиться на работу – преподавать в женских гимназиях. Это огромный шаг в деле женского образования и трудоустройства.

Однако несмотря на популярность курсов в обществе правительство в 1886 г. запретило набирать новых учениц. Новый министр народного просвещения И.Д. Делянов не поддерживал идею женского образования и деятельности женских курсов. Предлогом закрытия курсов стали финансовые сложности, хотя на этот момент на счету находились деньги достаточные для продолжения работы. В мае 1888 г. курсы были закрыты.

Второй этап курсов начинается в 1900 г. Теперь для контроля над курсами учреждалась специальное должностное лицо, директор курсов становился подотчётным Министерству народного просвещения, выделялись деньги из государственной казны. Были приняты специальные правила, контролирующие обучение и проживание курсисток. Изменился и набор на курсы, теперь на них обучались курсистки из 41 губернии, а их количество достигало 276 слушательниц.

В 1906 г. был разработан новый устав курсов. Теперь они стали высшим учебным заведением, дававшим слушательницам университетское образование. Слушательницам выдавалось свидетельство, которое приравнивалось к университетским дипломам. Они могли преподавать в мужских и женских гимназиях. Наиболее успешные курсистки получали возможность продолжить образование на университетских факультетах и даже проходить стажировку за границей.

И курсы, по словам Герье «приняли характер настоящего Высшего Учебного Заведения» [цит. по: 1, с. 175]. Однако на этом этапе

В.И. Герье не играл столь большой роли как прежде. По мнению исследовательницы Т.Н. Ивановой, это объяснялось несколькими причинами: возрастом историка и усиливающимися у него консерватизма. Он перестал читать лекции, а больше внимания уделял административной и организаторской работе. Но среди курсисток и преподавателей стало проявляться недовольство манерой управления Герье, который стремился всё держать под своим контролем. В октябре 1905 г. Герье под нажимом обстоятельств покинул курсы. Но душевно он был по-прежнему привязан к ним. В 1914 г. он пожертвовал деньги на стипендии курсисток.

Правительство по достоинству оценило вклад В.И. Герье в женское образование. Он был награжден орденом св. Анны, его избрали членом-корреспондентом академии наук и почётным профессором Императорского Московского университета.

Поводя итоги, отметим, что В.И. Герье был не только выдающимся учёным, но и талантливым педагогом, применявшим передовые методы обучения. Его тяжелая многолетняя работа по организации и поддержания женского образования представляет собой уникальное явление. Таланты организатора и руководителя особо проявились на деятельности Московских высших женских курсов.

Библиографический список:

1. Иванова Т.Н. У истоков высшего женского образования в России: организационная деятельность В. И. Герье в свидетельствах современников // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 169-176.
2. Кареев Н.И. В.И. Герье // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIIIа. СПб., 1893. С. 574.
3. Савельев П.Ю. Владимир Иванович Герье: человек, учёный, педагог и общественный деятель // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под. ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 5–20.
4. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. 503 с.

Сведения об авторе:

Дунаева Юлия Вячеславовна, к.и.н. старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), г. Москва, Российская Федерация. e-mail: jvd@inbox.ru

УДК 37.013.42

Калинина П. С., Погодина Е. К.

Агрессивное поведение подростков и его профилактика

Aggressive behavior of adolescents and its prevention

Аннотация. Современный ритм жизни, всевозможные стрессовые ситуации приводят к тому, что подростки все чаще проявляют склонность к насилию и агрессивному поведению. Статья посвящена проблеме агрессивного поведения старших подростков. Раскрываются понятия агрессии и агрессивности, факторы агрессивного поведения подростков. Представлены данные эмпирического исследования склонности старших подростков к агрессивному поведению. Предлагается программа социально-педагогической деятельности по профилактике агрессивного поведения подростков.

Ключевые слова: агрессия; агрессивность; агрессивное поведение; подростки; социально-педагогическая профилактика.

Abstract. The modern rhythm of life, all kinds of stressful situations lead to the fact that teenagers are increasingly prone to violence and aggressive behavior. The article is devoted to the problem of aggressive behavior of older adolescents. The concepts of aggression and aggressiveness, factors of aggressive behavior of adolescents are revealed. The data of an empirical study of the propensity of older adolescents to aggressive behavior are presented. A program of socio-pedagogical activities for the prevention of aggressive behavior of adolescents is proposed.

Keywords: aggression; aggressiveness; aggressive behavior; adolescents; socio-pedagogical prevention.

В настоящее время актуальной социально-педагогической проблемой является распространенность агрессии и насилия в подростковой среде.

Агрессия – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения [1]. Под агрессивным поведением понимаются враждебные действия, целью которых является причинение страдания и ущерба другим людям.

По форме выражения различают:

- физическую агрессию – предпочтительное использование физической силы против другого лица;
- вербальную агрессию – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг) или через содержание (оскорбления, ругань, сплетни, распускание слухов) словесных ответов;
- косвенную агрессию – действия, направленные окольным путем на другое лицо, связанное с обидчиком или ни на кого не направленные (бросание предметов на пол, удары кулаком по столу);
- негативизм – оппозиционная форма поведения, направленная против авторитета или руководства: от пассивного сопротивления до активной борьбы.

Агрессивность трактуется как устойчивая личностная черта, выражающая склонность к агрессивному поведению. И. А. Фурманов рассматривает агрессивность как готовность, предрасположенность человека к реализации агрессивной модели поведения [2].

Эмпирическое исследование склонности подростков к агрессивному поведению проводилось на базе ГУО «Ордена Трудового Красного Знамени гимназия № 50 г. Минска» среди учащихся 8-9 классов с использованием опросника уровня агрессивности Басса-Дарки, анкеты «Агрессия и конфликты».

Результаты проведенного диагностического исследования показали, что у девочек наблюдается повышенный уровень склонности к негативизму, который проявляется в сопротивлении любым требованиям и осуществлении действий, отличающихся от требуемых. У мальчиков обнаружен повышенный уровень склонности к физической агрессии, которая проявляется в решении проблем с помощью силы; склонность к раздражению, выражающаяся в готовности к проявлению при малейшем возбуждении вспыльчивости,

резкости, грубости. И у девочек, и мальчиков был выявлен повышенный уровень склонности к вербальной агрессии, которая выражается в проявлении грубости в речи, оскорблении собеседника, негативном межличностном общении, выражении отрицательных эмоций. Опрос показал, что для мальчиков более характерно проявление косвенной агрессии.

Анкетирование показало, что половина учащихся (50,0%) иногда вступает в конфликты и ссоры с окружающими. Четвертая часть учащихся (24,4%) редко вступает в конфликты с окружающими людьми. Это говорит о том, что подростки имеют нормальный уровень агрессивности и конфликтности. Однако стоит отметить, что вариант ответа «постоянно» выбрали 5,8% учащихся и 15,1% учащихся выбрали вариант ответа «довольно часто», что свидетельствует о том, что для отдельных подростков характерны проявления агрессивного поведения. Подростки в основном ссорятся с одноклассниками (40,0%), наиболее частыми конфликтами в школе являются конфликты внутри классного коллектива.

На вопрос «Как Вы справляетесь со своей агрессией?» 39,5% учащихся ответили «не вижу смысла что-то предпринимать, меня все устаивает». Это может указывать на то, что подростки не стремятся и не видят необходимости в изменении своего поведения. Возможно, они принимают свою агрессию как часть своей личности и не считают ее проблемой, либо у учащихся отсутствует понимание того, как можно справиться с агрессией. Вариант ответа «направляю энергию в разные виды активности» выбрали 36,0% учащихся. Это свидетельствует о том, что учащиеся осознают негативные последствия агрессивного поведения и стараются перенаправить энергию в позитивные виды деятельности.

Проведенное исследование актуализировало необходимость проведения целенаправленной работы по социально-педагогической профилактике агрессивного поведения подростков. Профилактическая работа должна проводиться по следующим направлениям:

– работа с родительскими семьями подростков (семейное воспитание закладывает основу становления личности ребенка);

- профилактическая деятельность с обучающимися непосредственно в учреждении образования (проведение тренингов, ролевых игр и т.п. по коррекции агрессивного поведения);
- просвещение педагогических работников (педагоги должны обладать необходимой информацией, быть осведомленными о причинах и способах предотвращения агрессивного поведения подростков, а также демонстрировать положительный пример учащимся, давать советы по разрешению конфликтов в классе);
- создание благоприятного социального окружения (которое не будет вредить учащимся в их личностном становлении);
- организация досуга подростков (спортивные секции, творческие объединения по интересам будут оказывать положительное влияние на развитие личности учащихся);
- пропаганда здорового образа жизни (укрепление здоровья, правильное питание, хороший сон непосредственно влияют на эмоциональное и физическое состояние учащихся);
- партнерство с заинтересованными учреждениями и организациями (межведомственное взаимодействие, обмен опытом и знаниями позволит достигнуть эффективных результатов в профилактике агрессивного поведения подростков).

На основе проведенного исследования была разработана программа социально-педагогической профилактики агрессивного поведения подростков.

Основные задачи программы:

- информирование учащихся, родителей и педагогов о факторах агрессивного поведения и особенностях проявления агрессии в подростковом возрасте;
- повышение самооценки учащихся, развитие позитивного «образа-Я»;
- развитие социальных навыков и саморефлексии у подростков;
- формирование навыков конструктивного поведения, обучение подростков способам самоконтроля, развитие умения выражать свои чувства и мысли без агрессивных действий;

– воспитание культуры поведения подростков в различных видах совместной деятельности.

В содержание программы включены:

– классные часы («Шаг к гармонии», «Воспитание толерантности» и др.);

– тренинги с подростками («Берем агрессию под контроль», «Снижение эмоционального напряжения», «Формирование адекватных форм поведения» и др.);

– индивидуальные консультации с учащимися («Причины агрессии и выбор альтернативных способов противостоять агрессивному поведению», «Влияние агрессивного поведения на взаимоотношения и личную жизнь» и др.);

– родительские собрания и круглые столы для законных представителей («Агрессия подростков, ее причины и предупреждение», «Влияние семейной обстановки на формирование агрессивного поведения ребенка»);

– групповые консультации для законных представителей («Вспыльчивость. Пять шагов к обузданию гнева у ребенка», «Как родители формируют самооценку подростка» и др.);

– семинары и групповые консультации для педагогов («Технологии профилактики агрессивного поведения подростков», «Признаки агрессивного поведения подростка», «Как создать ситуацию успеха для подростков», «Преодоление агрессии в классе: роль педагога»).

Библиографический список:

1. Калинина П.С. Исследование склонности старших подростков к агрессивному поведению // Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : Ч. 2 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГПУ, 2023. С. 208-213.
2. Коповой А. С. Агрессивное поведение подростков. Саратов : «Слово», 2005. 109 с.
3. Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб. : Речь, 2007. 479 с.

Сведения об авторах:

Калинина Полина Сергеевна, студент 4 курса факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: polinaka098@gmail.com

Погодина Елена Константиновна, старший преподаватель кафедры социальной педагогики УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: pogodinaek@mail.ru

УДК 342.5

Карнован С.М.

**Особенности правового статуса президента Российской Федерации
как элемента механизма государства**

**Features of the legal status of the President of the Russian Federation
as an element of the mechanism of the state**

Аннотация. В данной статье автор анализирует особенности правового статуса Президента Российской Федерации в контексте его роли в государственном механизме Российской Федерации. Также исследуется значение президента как того элемента государственного механизма, который обеспечивает стабильность государственной власти и исполнение ее актов. Основные вопросы, рассматриваемые в статье, – это роль и значение президента в системе государственного управления, его влияние на политические процессы и механизмы принятия решений в России. Автором рассматриваются нормативные правовые акты, регламентирующие статус президента и его полномочия, а также акты, исходящие непосредственно от президента, последние классифицируются. Выделяются ключевые аспекты, которые определяют важность правового статуса президента для функционирования государства в целом. В заключении сделаны выводы по исследованным вопросам.

Ключевые слова: президент, правовой статус, государственный механизм, эффективная работа, международные отношения, государственные органы.

Abstract. In this article, the author analyzes the features of the legal status of the President of the Russian Federation in the context of his role in the state mechanism of the Russian Federation. The importance of the president as an element of the state mechanism that ensures the stability of state power and the execution of its acts is also studied. The main issues discussed in the article are the role and importance of the president in the system of public administration, his influence on political processes and decision-making mechanisms in Russia. The author examines the normative legal acts regulating the status of the president and his powers, as well as acts emanating directly from the president, the latter are classified. The key aspects that determine the importance of the legal status of the president for the functioning of the state as a whole are highlighted. In conclusion, conclusions are drawn on the issues studied.

Keywords: the president, legal status, the state mechanism, effective work, international relations, government agencies.

Одной из ключевых фигур политического устройства страны является Президент Российской Федерации. Его юридическое положение определено Основным Законом Российской Федерации и имеет огромное значение для обеспечения устойчивости и эффективного функционирования государственного аппарата. Исследование правового статуса Президента Российской Федерации не теряет актуальности, поскольку роль лидера страны в нынешних обстоятельствах чрезвычайно велика.

Опираясь на Конституцию Российской Федерации, президент Российской Федерации избирается народом на основе всеобщего равного и прямого избирательного права. Это дает ему легитимность и политическую силу. Президент обладает широкими полномочиями в сфере управления государством. Он является главой государства, также назначает и освобождает руководителей федеральных органов

исполнительной власти, выступает от имени Российской Федерации в международных отношениях.

В контексте новых задач особое значение приобретает разработка эффективных способов взаимодействия президента Российской Федерации с органами власти: Федеральным Собранием, правительством и судебной системой. Ещё одним важным аспектом является участие президента в формировании государственной политики, определение приоритетов развития страны и принятие ключевых решений в экономической, политической и других сферах. Президент имеет право наложить вето на законодательные акты, принятые Федеральным Собранием, что позволяет ему влиять на законодательный процесс и обеспечивать соответствие принимаемых законов национальным интересам. Президент также назначает премьер-министра и других членов правительства, влияет на назначение и деятельность судей, что позволяет ему оказывать влияние на систему исполнительной и судебной власти. Так, согласно ст. 128 Конституции РФ, Председатели, заместители председателей и судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Таким образом, президент играет важную роль в формировании государственной политики и определении приоритетов развития страны.

Особенности правового статуса президента Российской Федерации как элемента механизма государства могут быть рассмотрены более подробно в следующих аспектах.

Президент Российской Федерации гарантированно обладает независимостью от государственных органов. Из этого следует, что он не может быть привлечен к уголовной и административной ответственности за свои действия, за исключением случаев государственной измены. Обращаясь к статье 91 Конституции РФ, Президент Российской Федерации во время своего пребывания на этом посту не может быть преследован юридически за свои действия. В качестве главы государства он обладает определенными правами, которые дает ему возможность выполнять свои обязанности независимо

от других государственных органов. Однако независимость президента не означает безоговорочного права на произвольные действия. Глава государства также подчинен основному закону и законам страны. Кроме того, он пользуется особым статусом, который гарантирует ему защиту от ареста и обеспечивает неприкосновенность во время осуществления своих обязанностей. Это способствует обеспечению его безопасности и предотвращает возможные попытки преследования или вмешательства в его работу. Федеральный закон «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи», также говорится о том, что: «Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью. Он не может быть ... задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру» [1].

Президент гарантирует согласованное функционирование и сотрудничество органов государственной власти. Так, согласно ч. 1 ст. 85 Конституции РФ, он может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между федеральными и региональными органами государственной власти. А.М. Гайдарбекова отмечает, что к полномочиям также относится формирование посланий Президента Федеральному Собранию как документа политико-правового характера [2, с.8]. Примером также выступает Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации», согласно ч.4 ст. 1 которого «Президент Российской Федерации имеет право председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации и на заседаниях Президиума Правительства Российской Федерации» [3].

В системе федеральных государственных органов Президент Российской Федерации занимает особое положение. Конституция возлагает на него задачу обеспечения единства государственной власти, осуществляемой законодательными, исполнительными и судебными органами. Именно глава государства обеспечивает согласованную работу и деятельность органов власти, не входя сам в прямую зависимость ни от одной из трех ветвей власти. Глава государства

России выполняет свои обязанности через применение официальных документов, среди которых присутствуют указы, распоряжения, обращения и послания. Президент использует указы и распоряжения как основные правовые инструменты для реализации своих полномочий, которые имеют обязательную силу на всём пространстве Российской Федерации. Однако эти документы не должны противоречить Конституции страны и федеральным законам, и их можно оспорить в судебных инстанциях. В некоторых случаях для осуществления своих полномочий Президент нуждается в одобрении Совета Федерации Федерального Собрания, например, при принятии решения о введении чрезвычайного или военного положения [4].

Указы являются инструментами, которые используются для решения ключевых и основополагающих задач, связанных с управлением страной. Они обладают нормативной силой и начинают действовать спустя семь дней после их официального обнародования [5]. К примеру, Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2024 года, касающийся обязательного призыва граждан РФ, находящихся в запасе, на военные учения в текущем году, иллюстрирует эту процедуру. Указ устанавливает верхний предел возрастной категории военнослужащего Российской Федерации, находящегося в запасе и обязанного прибыть на военные сборы (40 лет), и категории граждан, составляющих исключение, т.е. не подлежащих призыву на сборы: граждане, имеющие трех и более несовершеннолетних детей; прошедшие альтернативную службу и др.; в число этих категорий входят и сотрудники ФСИН [6].

Также указы и распоряжения Президента Российской Федерации носят неофициальный характер, здесь в качестве примера можно привести Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2024 № 108 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» [7]. Данный правовой акт основан на нормативных правовых актах, но сам по себе не нормативен, поскольку юридически закрепляет награждение конкретных граждан различными наградами в соответствии с индивидуальными заслугами каждого из них.

Приказы и указы Президента должны быть опубликованы официально в течение десяти дней с момента подписания, за исключением документов, содержащих сведения государственной тайны или конфиденциального характера.

В заключение отметим, что правовой статус президента Российской Федерации является основополагающим элементом механизма государства. Выборы и полномочия президента, гарантии его независимости и иммунитета, а также взаимодействие с другими органами власти формируют его роль и влияние на политическую систему и функционирование государственного механизма. Правовой статус президента обеспечивает стабильность, эффективность и согласованность в работе государственного аппарата, что является рычагом развития и процветания страны. Правовой статус президента Российской Федерации является важным элементом государственного механизма. Он обеспечивает президенту необходимые полномочия для результативного руководства страной, защиты национальных интересов и обеспечения стабильности. Взаимодействие президента с другими органами власти, а также его независимость и иммунитет способствуют эффективному функционированию государственного аппарата.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» //Собрание законодательства Российской Федерации от 12.02.2001. № 7. Ст.617; Собрание законодательства Российской Федерации от 28.12.2020. N 52 (ч.1). Ст. 8608.
2. Гайдарбекова А.М. Роль Президента Российской Федерации в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2012. 24 с.
3. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 09.11.2020. № 45. Ст.7061.
4. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) "О чрезвычайном положении"// Собрание Законодательства

Российской Федерации от 04.06.2001. №23. Ст.2277; Собрание Законодательства Российской Федерации от 06.11.2023. №45. Ст.7978.

5. О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 14 октября 2014 г. № 668) // Собрание законодательства Российской Федерации от 27.05.1996. № 22. Ст. 2663; [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravo.gov.ru, свободный. (дата обращения: 14.10.2014).

6. Указ Президента РФ от 01.03.2024 № 155 «О призыве граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, на военные сборы в 2024 году» // Сайт официального опубликования правовых актов, № опубликования 0001202403010014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru>, свободный. (дата обращения: 01.03.2024)

7. Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2024 № 108 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» // Сайт официального опубликования правовых актов, № опубликования 0001202402080020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru>, свободный. (дата обращения: 08.02.2024).

Сведения об авторе:

Карнован София Михайловна, курсант 2 взвода 1 курса юридического факультета ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России», г. Самара, Российская Федерация, e-mail: skarnovan@yandex.ru

УДК 7.022.1:304.2

Мусалов М.А.

**Проблемы интеграции этических ценностей
в процессы технологического развития**

**The problems of integrating ethnic values
into the processes of technological development**

Аннотация. Этические ценности играют ключевую роль в регулировании взаимоотношений между людьми, социальными группами, институтами и странами. Они являются универсальным регулятором, который может оказать влияние на различные сферы человеческой деятельности. Кроме того, существует проблема несовпадения темпов инноваций и разработки новых правовых актов, что требует создания новых моделей регулирования.

Ключевые слова: социальные группы, инновации, справедливость, гуманность, общие ценности

Abstract. Ethical values play a key role in regulating relationships between people, social groups, institutions and countries. They are a universal regulator that can have an impact on various spheres of human activity. In addition, there is a problem of mismatch between the pace of innovation and the development of new legal acts, which requires the creation of new regulatory models.

Keywords: social groups, innovation, justice, humanity, common values.

Сегодня перед человеческой цивилизацией стоит ряд серьезных вызовов, включая вопросы о влиянии стремительно развивающихся технологий на самого человека, а также о этических и гуманитарных последствиях их использования. Кроме того, исследователи изучают различные аспекты социальных изменений, вызванных технологическим прогрессом, и обращают внимание на связь между динамикой новой промышленной революции и глобальной нестабильностью в мире [1, с. 505].

Один из ключевых аспектов, который привлекает внимание ученых, это вопрос о том, каким образом технологии влияют на общество и повседневную жизнь людей. Это включает в себя как положительные, так и отрицательные стороны влияния технологий на культуру, экономику и межличностные отношения.

Исследования показывают, что рост технологий может привести к усилению неравенства, проблемам конфиденциальности данных, а также созданию новых этических дилемм [4, с. 201]. Однако правильное

использование технологий также открывает перед человечеством огромные возможности для улучшения жизни, науки и медицины. Этические ценности играют ключевую роль в регулировании взаимоотношений между людьми, социальными группами, институтами и странами. Они являются универсальным регулятором, который может оказать влияние на различные сферы человеческой деятельности. Кроме того, существует проблема несовпадения темпов инноваций и разработки новых правовых актов, что требует создания новых моделей регулирования.

Моральные критерии становятся непременным аспектом оценки конкретных действий и решений, будь то в сфере экономики, политики, права, науки или искусства. Важно иметь возможность анализировать способы и методы выполнения задач с позиции добра, справедливости, гуманности и других нравственных ценностей. Это позволяет создать более этические и сбалансированные отношения между различными структурами общества.

В современном мире, где технологические изменения происходят быстрее, чем законодательные и нормативные изменения, важно учитывать этические принципы при принятии решений. Ведь именно на них строятся основы справедливого и гармоничного сосуществования в обществе.

В современном мире актуальной проблемой является влияние культурных различий на приоритеты и ценности людей. Исследователи К. Шваб и Н. Дэвис указывают на то, что разнообразие культур не должно стать преградой для ценностно-ориентированного подхода к технологиям. Они отмечают, что существуют общие ценности, которые объединяют различные культуры и народы [4, с. 50].

Важно отметить, что Совет Всемирного экономического форума в своем документе под названием «Новое социальное соглашение» подчеркнул наличие широкого консенсуса между представителями различных культур, религий и философий. Они пришли к общему согласию относительно некоторых общечеловеческих стремлений, которые представляют собой мощный объединяющий идеал.

В современном мире, где глобализация и мультикультурализм становятся все более значимыми, важно уметь находить общие ценности, способные преодолевать различия и способствовать взаимопониманию. Именно в этом ключе следует рассматривать вопрос о влиянии культурных различий на приоритеты и ценности в обществе. Этические ценности играют ключевую роль в развитии технологий.

В контексте биотехнологий особенно важны вопросы биобезопасности и биозащищенности. Оценка возможности использования технологий как на благо, так и на вред, проблема «двойного применения», а также справедливое распределение благ от результатов биологического конструирования – все эти аспекты требуют серьезного внимания и детального анализа. Для успешного развития технологий необходимо учитывать не только их функциональные характеристики, но также их этическую составляющую. Только взаимодействуя с учетом этих аспектов, можно достичь устойчивого и этически целостного развития общества.

Современное деловое сообщество активно обсуждает важные вопросы, которые находят отклик и в работах ученых и философов прошлых десятилетий. Размышления крупнейших представителей бизнеса сегодня, похоже, перекликаются с идеями, высказанными отечественными мыслителями почти полвека назад. Например, в статье «Высокое соприкосновение: общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 1984 году, авторы высказывают мысли, которые остаются актуальными и в наше время. Это свидетельствует о том, что некоторые фундаментальные идеи остаются важными и в современной бизнес-среде.

Одним из интересных аспектов является то, что идеи, высказанные в этих работах, касаются взаимодействия общества, человека и природы в контексте новейших технологий. Это позволяет обратить внимание на важность учета экологических и социальных аспектов в деловой практике. Возможно, именно в этом кроется ключ к устойчивому развитию и успешному функционированию современных организаций.

Таким образом, понимание взаимосвязи между различными аспектами жизни общества и учет этих взаимосвязей в стратегическом планировании могут стать важным преимуществом для бизнеса в современном мире. Важно уметь анализировать и применять уроки прошлого, чтобы успешно решать вызовы настоящего и будущего.

С начала XXI века стало очевидно, что человечество находится на распутье в отношении использования технологий. Главные вопросы, касающиеся взаимодействия человека с техникой, обсуждаются Т. Фроловым и академиком Н. Н. Моисеевым. Они подчеркивают, что человек не может оставаться в узких рамках частного интереса, в то время как техника, которой он пользуется, становится все более универсальной и глобальной [3, с. 467].

Важным аспектом является нравственное развитие человека, поскольку только выросший нравственно индивидум способен использовать технику во благо как самому себе, так и природе. В противном случае, грозит опасность как для технологий, так и для окружающей среды, а также для самого человека.

Следует отметить, что в последние годы отечественные исследователи активно прорабатывают концепцию «двойного применения» технологий, придавая ей новые аспекты и акценты. В свете событий 2014-2016 годов стало ясно, что управление технологиями требует глубокого понимания и ответственного подхода со стороны человека. Глобальные вызовы национальной безопасности стали одним из ключевых аспектов в политической повестке дня во всех развитых странах мира. Стремительное развитие высоких технологий подняло вопрос о том, как обеспечить безопасность в условиях, когда каждая новая технология может быть использована как в мирных, так и в военных или криминальных целях. [3, с. 43].

Важные государственные документы, принятые ведущими странами мира, закрепили принцип тройного применения высоких технологий: гражданского, военного и криминального. Подчеркивается, что рост технологий у преступников, террористов и экстремистов может иметь катастрофические последствия для общества.

Авторы исследования приходят к выводу, что современное общество должно активно адаптироваться к технологическим изменениям, предпринимая активные меры по обеспечению безопасности и контролю за использованием новых технологий. Роль государства, международных организаций и частного сектора в этом процессе становится все более значимой.

Важно понимать, что будущее общества зависит от принятых решений и выбранных технологий. Эти решения должны быть основаны на укорененных ценностях, которые определяют культурную и социальную идентичность. Этические принципы, заложенные в традиции, формируют непреложную основу культуры. Рене Бенедикт [5], американский антрополог, в свое время ввел термин «этнос», чтобы обозначить устойчивый характер культуры и обычаев.

Принципы и ценности, заложенные в культуре, играют ключевую роль в формировании общественного мнения и принятия решений. Они определяют, какие технологии будут приняты обществом и какие цели будут преследоваться. Важно учитывать исторический контекст и культурное наследие при разработке стратегий развития и прогнозировании будущего.

Понимание этоса культуры помогает лучше понять корни ценностей и принципов, которые лежат в основе принятия решений. Этнос является своего рода духовным наследием, которое передается из поколения в поколение и определяет коллективное сознание общества. Важно уважать и сохранять этот этический компас для создания устойчивого и гармоничного будущего. Этические ценности играют ключевую роль в формировании культуры и общества. Они являются основой для развития духовной сферы и жизнедеятельности общества, придавая им устойчивость и смысл. Понятия «этнос» и «этика» тесно связаны как этимологически, так и семантически.

Необходимо понимать, что этические критерии отражают потребности и запросы общества в самой универсальной форме, учитывая перспективы общественного развития. Важно помнить, что в периоды кризиса и изменений социальной динамики происходит трансформация культурных структур и пересмотр ценностей. Однако,

именно в такие периоды возможно переосмысление и переоценка ценностей, что способствует дальнейшему развитию общества. При обсуждении формирования культурных ценностей важно учитывать точку зрения, которая предлагает рассматривать не статичное «ядро» ценностей, а скорее «фундамент» в качестве связующего элемента. Фундамент, как основа, обеспечивает возможность существования различных субкультур в рамках общего культурно-исторического типа. Этот фундамент включает в себя набор общих ценностей, которые разделяют представители всех субкультур.

Важно отметить, что каждая культура содержит своего рода неподвижный набор ценностей, который сохраняется несмотря на социальные изменения и эволюцию общества. Этот инвариант ценностей является своеобразным фундаментом, на котором строятся различные проявления культуры и субкультур.

Рассмотрение культурного фундамента как общего начала для разных субкультур открывает новые перспективы для понимания многообразия ценностей в обществе и их влияния на формирование индивидуального и коллективного сознания. Такой подход позволяет глубже исследовать механизмы сохранения и изменения ценностных установок в различных культурных контекстах.

Важнейшей этической универсалией считается уважение и забота о других. Этические ценности играют ключевую роль в формировании культурной идентичности. Этические ценности, такие как «счастье», «свобода», «справедливость», отражают основные принципы и цели общества. Они могут различаться в разных культурах, но всегда являются важным аспектом социокультурной жизни. Каждая культура имеет свои уникальные ценности и понятия, которые формируют ее нравственный кодекс.

Сегодня в мире мы наблюдаем масштабные процессы, вызванные социально-экономическими, технологическими, политическими и демографическими факторами. Эти тектонические сдвиги в мировом сообществе цивилизаций придают особую политическую актуальность проблеме идентичности. Ранее объектом академических философских и

культурологических дискуссий, идентичность стала предметом все более насущной необходимости в современном мире.

Интересно, что идентичность человека может проявляться в различных аспектах, таких как представления о желаемых отношениях между людьми, общностями, народами. Эти представления измеряются по различным шкалам: от соперничества до взаимопомощи, от индивидуализма до коллективизма, от эгоцентризма до альтруизма и так далее.

Изменение этических ценностей, составляющих основу национальной культуры, может привести к потере культурной идентичности и, следовательно, к угасанию народа как носителя этой идентичности. Это важное обстоятельство подчеркивает актуальность и значимость обсуждения феномена культурной и цивилизационной идентичности в современном обществе.

Однако, не только внутренние факторы могут оказать влияние на сохранение или утрату культурной идентичности. Современная гибридная война, обладающая различными мощными средствами воздействия, нацелена на этические ценности и культурные основы общества, делая этос культуры ее главной мишенью.

Осознание важности сохранения культурной идентичности становится неотъемлемой частью стратегии общественной безопасности и развития. Таким образом, анализ феномена культурной идентичности представляется важным для понимания современных вызовов и угроз, стоящих перед обществом и национальной безопасностью. Герд Леонгард, известный футуролог, высказывает предположение о том, что человечество будет изменяться более активно в ближайшие 20 лет, чем за предыдущие 300. [2, с. 273].

Для современного человека важно понимать, что идентичность не статична, а скорее подвержена постоянным трансформациям под воздействием окружающего мира. Стремительное развитие современных технологий и новых форм общения создает дополнительные слои восприятия себя и своей принадлежности к миру.

Этические ценности на уровне цивилизации могут рассматриваться как своего рода планировщик, который помогает адаптироваться к

изменяющейся среде. Такой подход аналогичен использованию термина «планировщик» в робототехнике, где он обозначает часть системы управления, обеспечивающую адаптивность и эффективное функционирование в неопределенных условиях.

Этические вопросы становятся все более актуальными, особенно в контексте развития технологий. Планировщики, которые занимаются прогнозированием, принятием решений и управлением, играют важную роль в формировании этических принципов и ценностей. Они основываются как на базовых этических ценностях, так и на собственных убеждениях и принципах.

Такие планировщики включают в себя как пассивную, так и активную составляющие. Пассивная составляющая включает базовые этические ценности, закрепленные в различных источниках, а активная составляющая – субъектов, которые осуществляют интеллектуальную деятельность, опираясь на этические принципы.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе важно будет обсуждать не только технические возможности, но и нравственные аспекты использования технологий. Возникает вопрос о том, должны ли технологии выполнять определенные функции и с какой целью. Решения, которые принимает человек, несут в себе глубокий смысл и влияют на многих. Человек, будучи в собирательном смысле символом разума, обязан принимать ответственные решения, которые окажут влияние на окружающих. Гуманистическая ценностная ориентация играет ключевую роль в этом процессе, определяя, каким образом будут приниматься решения и в каком направлении они повлияют на окружающий мир. Важно осознавать, какие ценности и принципы лежат в основе принимаемых решений, чтобы обеспечить гармонию и благополучие для всех.

Библиографический список:

1. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М.: Книжный мир, 2018. 512 с.
2. Леонгард Г. Технологии против человека / пер. с англ. М.: АСТ, 2018. 320 с.
3. Фролова М. И. Гуманистическая футурология Джона Нэсбитта // Мир человека: неопределенность как вызов / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост.

М. И. Фролова; предисл. С. Н. Корсакова и М. И. Фроловой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 465-485.

4. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

5. Benedict R. Patterns of Culture. Boston – N. Y.: Houghton Mifflin Co, 1934. 290 p.

Сведения об авторе:

Мусалов Магомед Абдулаевич, к.ю.н., доцент, ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», г. Махачкала, Республика Дагестан, e-mail: mmusalov@mail.ru

УДК 317

Наумова А.С.

Психолого-педагогические особенности развития обучающихся с фонетико-фонематическим недоразвитием речи

Psychological and pedagogical features of the development of students with phonetic and phonemic speech underdevelopment

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу психолого-педагогических особенностей развития обучающихся с ФФНР. В ней приводятся статистические данные, раскрывается понятие «фонетико-фонематическое недоразвитие речи», а также рассматриваются речевые особенности развития детей. Отмечаются особенности моторики, пространственной ориентировки, а также высших психических функций.

Ключевые слова: фонетико-фонематическое недоразвитие речи, высшие психические функции, моторика, пространственная ориентировка.

Abstract. This article is devoted to the issue of psychological and pedagogical features of the development of students with FFNR. It provides statistical data, reveals the concept of "phonetic and phonemic underdevelopment of

speech", and also examines the speech features of children's development. The peculiarities of motor skills, spatial orientation, as well as higher mental functions are noted.

Keywords: phonetic and phonemic underdevelopment of speech, higher mental functions, motor skills, spatial orientation.

Число детей с различными речевыми расстройствами значительно увеличивается от года к году. И.Б. Карелина отмечает, что «за последние 20 лет было обследовано 23963 ребёнка в возрасте от 1,5 до 7 лет. Из них лишь 31% имели нормальное речевое развитие и 63% – различные речевые нарушения, в том числе такие как дизартрия и алалия, а также 6% имели различные психические и сенсорные нарушения, такие как аутизм, нарушения интеллектуального развития и тугоухость». Среди 63% чаще всего встречается фонетико-фонематическое недоразвитие речи (далее ФФНР). В специальной литературе существует множество трактовок данного понятия, однако определение Р.Е. Левиной встречается чаще остальных и считается наиболее полным. В своих работах она подчёркивает, что данное нарушение характерно для детей с нормальным слухом и интеллектом и представляет собой нарушение процессов формирования произносительной системы родного языка у детей с различными речевыми расстройствами вследствие дефектов восприятия и произношения фонем [1, с. 89]. ФФНР различно по своим состояниям и имеет несколько степеней выраженности. В своих работах Т.А. Ткаченко и М.Ф. Фомичева отмечают, что лёгкая степень проявляется у детей трудностями только в нарушенных звуках. Степень, при которой имеют место более грубые нарушения звукового анализа, отличается не различением множества звуков из разных фонетических групп. Последней является степень глубокого фонематического недоразвития. Из-за него ребёнок перестаёт слышать звуки в словах и, как следствие, затрудняется с определением их последовательности и состава.

Речь детей богата на нарушения. В ней могут отсутствовать некоторые звуки, а также встречаться искажения, замены и смешения,

что в дальнейшем ведёт к трудностям во время чтения, письма и при овладении грамотой.

Нарушения речи нельзя рассматривать как «локальный» дефект, так как они оказывают негативное влияние и на психологическую картину детей. Что касается высших психических функций, то по некоторым параметрам у детей с ФФНР наблюдается отставание от нормы. Так, развитие зрительного восприятия характеризуется недостаточной сформированностью целостного образа предмета. Некоторые исследователи отмечают, что у детей с данным речевым нарушением произвольное внимание отличается нестабильностью, недостаточной сформированностью и неустойчивостью, а из-за суженного объёма памяти для запоминания материала им необходимо больше времени и повторов [2, с. 173]. При этом смысловая и логическая память у детей, как правило, сохранены. Зрительная память также соответствует нормальному развитию. С увеличением тяжести основного дефекта уровень слуховой памяти понижается. Аналогично снижаются показатели и продуктивного запоминания. Значительные трудности вызывают сложные инструкции. Дети часто забывают, опускают некоторые их элементы и меняют последовательность предложенных заданий. При этом, к речевому общению для уточнения инструкции они, как правило, не прибегают. Что касается мышления детей с ФФНР, то уровень его развития недостаточный, а скорость протекания мыслительных операций замедлена. Из-за этого снижается и процент усваиваемости учебного материала.

Несмотря на отсутствие у детей выраженных параличей и парезов, их моторика характеризуется недостаточно развитой координацией и неловкостью движений. Примерно у трети детей значительные трудности вызывают задания на статическую и динамическую координацию. Также у них отмечается неточность и замедленность движений. С задержкой развивается готовность руки к письму. Из-за этого у детей лепка и рисование могут достаточно длительное время не вызывать интереса. У одних детей в значительной степени затруднено переключение с одного вида движения на другой, у других выходит из строя вся двигательная система: сложные координированные движения,

артикуляционная моторика и мелкая моторика пальцев рук оказываются затруднены.

При изучении особенностей ориентировки детей в пространстве оказалось, что наибольшие трудности вызывает разграничение понятий «справа» и «слева», которые обозначают местонахождение объекта. Также дети с трудом ориентируются в собственном теле, особенно при усложнении заданий. Несмотря на это пространственным нарушениям свойственная тенденция к компенсации.

Согласно исследованиям Т.А. Ткаченко, у детей с ФФНР отмечаются: повышенная впечатлительность, выраженный негативизм (противодействие инструкциям и просьбам определённых лиц или всех окружающих), агрессивность, конфликтность, застревание, (часто может сопровождаться навязчивыми страхами), состояние дискомфорта, иногда сопровождаемое потерей аппетита, чувство угнетённости, предрасположенность к болезненному фантазированию, повышенная ранимость, обидчивость [3, с. 12]. Кроме негативизма Р.Е. Левина у детей с данным нарушением также отмечает замкнутость и неуверенность в себе, которые «усугубляют влияние неполноценной речи на формирование психики ребёнка» [2, с. 48].

Перечисленные особенности определяют у детей частую смену настроения, нестабильность поведения, высокую утомляемость и затруднения в выполнении инструкций педагога. Их личностные нарушения – трудности вербальной коммуникации, фиксированность на дефекте, поведенческий и речевой негативизм значительно усложняют структуру дефекта и ведут к нарушениям социальной адаптации.

Таким образом, у детей с фонетико-фонематическим недоразвитием речи отмечаются характерные нарушения всех её сторон, отставание в развитии речедвигательного анализатора и большинства психических функций, что в свою очередь негативно сказывается на всех сторонах личности детей.

Библиографический список:

1. Волкова Л.С. Логопедия: учеб. для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов. М.: Просвещение: Владос, 1998. 145 с.
2. Левина Р.Е. Основы теории и практики логопедии. М.: Просвещение, 2013. 367 с.

3. Ткаченко Т.А. Развитие фонематического восприятия: альбом дошкольника: пособие для логопедов, воспитателей, родителей. М.: Гном и Д, 2016. 32 с.

Сведения об авторе:

Наумова А.С., студент, ГБОУВО «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Российская Федерация, e-mail: aleksa_naumova@list.ru

УДК 343.34

Пономаренко Е.В.

Некоторые вопросы толкования признаков преступного сообщества (преступной организации)

Some questions of interpretation of the signs of a criminal community (criminal organization)

Аннотация. Закрепленное в ч.4 ст.35 УК РФ официальное понятие преступного сообщества до сих пор вызывает дискуссии как среди теоретиков, так и практиков. Исследовав признаки преступного сообщества, автор предлагает исключить данную форму соучастия из ст.35 УК РФ. Также предлагаются авторские дефиниции преступного сообщества и структурного подразделения преступного сообщества (преступной организации).

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, организованные формы, объединение организованных групп, соучастие.

Abstract. The official concept of a criminal community, enshrined in Part 4 of Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, still causes discussions among both theorists and practitioners. Having examined the signs of a criminal community, the author proposes to exclude this form of

complicity from Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's definitions of the criminal community and the structural unit of the criminal community (criminal organization) are also proposed.

Keywords: criminal community, criminal organization, organized forms, association of organized groups, complicity.

Одной из организованных форм преступной деятельности является преступное сообщество (преступная организация). В УК РФ 1996 г. впервые были криминализованы действия по организации преступного сообщества.

На сегодняшний день понятие преступного сообщества (преступной организации) официально закреплено в ч.4 ст.35 УК РФ. Начинать анализ сформулированного законодателем понятия следует с освещения проблемы отождествления преступного сообщества и преступной организации. Исходя из наименования и содержания ст. 35 и ст. 210 УК РФ, а также п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [1] (далее – ППВС РФ №12), приходим к выводу, что понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» используются как синонимичные, взаимозаменяемые. Между тем, не все ученые разделяют данную позицию. Возникновение дискуссии обусловлено тем, что в проекте УК РФ 1996 г. «предполагалось предусмотреть наряду с организованной группой и преступным сообществом третью форму организованной преступности – преступную организацию как особое разделяющее звено между ними». Однако выделить признаки, конкретизирующие каждую форму организованной преступности, авторам проекта УК не удалось. И потому понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» рассматриваются законодателем как равнозначные [5, с.9].

По мнению Т.В. Якушевой отождествление законодателем понятий преступного сообщества и преступной организации «не соответствует криминологическому значению указанных терминов» [9, с.9-10].

Интересным кажется представления о понятии преступного сообщества, изложенные в работе В.А. Попова. Углубляясь в сам термин, автор проводит аналогию между понятиями «научное сообщество», «судейское сообщество» и «преступное сообщество», делая вывод, что сообщество есть некая «совокупность людей, которые имеют определенную связь между собой, где имеет место разделение труда и конкуренция» [4, с.39]. Далее автор предлагает свое собственное видение понятия преступного сообщества, которое на наш взгляд имеет криминологическое, социальное, но не уголовно-правовое содержание.

Представляется, что разграничить преступное сообщество и преступную организацию как самостоятельные организованные формы преступной деятельности (рассматривая их как уголовно-правовые категории) условно было возможно до внесения изменений в УК РФ в ноябре 2009 года. Прежнее определение преступного сообщества (преступной организации) позволяло обнаружить границу между ними. Однако актуальная редакция ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ обнаружить такую грань не позволяет, различие же между преступным сообществом и преступной организацией, по мнению К.А. Сердюкова, видится в «степени их структурированности» [4, с.49-53], что не может быть признано сущностным и достаточным признаком для проведения разграничения.

Следует сказать, что ряд признаков преступного сообщества (преступной организации) разъясняются в содержании ППВС РФ №12. Здесь можно обнаружить, что существующий ранее признак сплоченности был «заменен» на признак, именуемый «структурированность». В литературе можно встретить аргументы против определения преступного сообщества (преступной организации) через данный признак [3, с.17].

Пункт 3 ППВС РФ №12 уточняет понятие и особенности *структурированной организованной группы*. Структурные подразделения, который входят в состав структурированной организованной группы, также обладают определенными признаками. Несмотря на то, что суть структурного подразделения разъяснена

Пленумом Верховного Суда РФ, в литературе описанию его понятия и признаков уделяют недостаточное внимание [2, с.39]. В связи с чем, правоприменитель нуждается в прямом указании на то, что структурное подразделение – это не просто группа, а именно организованная группа, что позволит исключить возможность признания структурным подразделением, например, группу лиц по предварительному сговору [8, с.28]

Вторая форма преступного сообщества (преступной организации) – *объединение организованных групп* – также обладает существенными признаками. В литературе встречается мнение о необходимости «элиминирования» такой формы преступного сообщества (преступной организации) как объединение организованных групп [7, с.51-52]. Представляется, что высказанное В.А. Поповым предложение может быть учтено законодателем, что значительно упростит правоприменение.

Остановимся на целях и мотивах создания преступного сообщества (преступной организации).

Целью создания преступного сообщества (преступной организации) является совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Понятия тяжкого и особо тяжкого преступления раскрываются в ст. 15 УК РФ. Такое формулирование цели преступного сообщества (преступной организации) не раз подвергалось критике со стороны ученых. По мнению авторов, преступное сообщество может быть создано для совершения не только тяжких или особо тяжких преступлений, но и некоторых преступлений средней тяжести, например, преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 171 УК РФ или ст. 241 УК РФ [4, с.58]. Однако, следует отметить, что большинство преступлений, которые могут совершаться в составе преступного сообщества (преступной организации) в действительности относятся к тяжким и особо тяжким. Изменение же цели создания преступного сообщества, повлечет за собой цепочку изменений в статьях 209, 208 УК РФ и некоторых др. статей Особенной части УК РФ, что предполагает более глубокое, комплексное исследование проблемы.

В понятии преступного сообщества (преступной организации) называется также специальный мотив – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Данный мотив предполагает совершение одного или нескольких преступлений, в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств или иного имущества, имущественных прав и т.п.

Косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды выражается в совершении одного или нескольких преступлений, которые напрямую не связаны с обращением в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств или иного имущества, имущественных прав и т.п., но обуславливают дальнейшее получение каких либо имущественных выгод или преимуществ (например, убийство директора конкурирующей фирмы, что, по замыслу преступников, позволит занять ведущее положение на рынке) [6, с.345].

Завершая анализ понятия преступного сообщества (преступной организации), согласимся с необходимостью элиминирования такой формы преступного сообщества (преступной организации), как объединение организованных групп, а также считаем верным конкретизировать понятие структурного подразделения, изложенного в п. 4 ППВС РФ №12, указав, что его составляет не просто группа, а организованная группа. Из всего вышеизложенного считаем необходимым исключить из форм соучастия в ст.35 УК РФ преступное сообщество (преступную организацию), а в ППВС РФ №12 понятие преступного сообщества (преступной организации) изложить в следующей редакции: *«преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой, действующей под единым руководством, члены которой объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступления для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».*

Понятие структурного подразделения преступного сообщества (преступной организации) в ППВС РФ №12 необходимо изложить следующим образом: *«функционально и (или) территориально обособленная организованная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества (преступной организации), осуществляет преступную деятельность».*

Библиографический список:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета. 2010. 17 июня.
2. Мондохов А.Н. Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2009. № 1. С. 39-41.
3. Никитин С.Г. Проблемные аспекты новелл УК РФ о преступных сообществах (преступных организациях) // Следователь. 2010. № 1. С. 16-21.
4. Попов В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 194с.
5. Розенко С.В. Формы и виды организованной преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 195 с.
6. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. 719с.
7. Сердюкова К.А. Структурированность как признак преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2015. № 6. С. 49-53.
8. Топильская Е.В. Некоторые проблемы реализации уголовной ответственности по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // «Адвокатская практика». 2013. № 4. С.27-31.
9. Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 26с.

Сведения об авторе:

Пономаренко Елена Валерьевна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: pomomarenko@mail.ru

УДК 159.9

Процко Л. А., Погодина Е.К.

Гендерные предпочтения при выборе мобильных игр у обучающихся

Gender preferences in choosing mobile games among students

Аннотация. Игра является неотъемлемой частью детства и оказывает положительное влияние на общее развитие ребенка. Различные аспекты развития, такие как личностное, физическое и психическое, могут быть поддержаны и улучшены через игровую активность. Игра сегодня выходит за рамки досуга и рекреации, являясь фундаментальным аспектом роста и обучения детей. Игра – это самостоятельно выбранная и направляемая деятельность, позволяющая детям следовать своим собственным интересам и потребностям. Такая самостоятельность в игре помогает развивать их внутреннюю мотивацию и креативность. Право на игру признано за всеми детьми в Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка. На сегодняшний день в обществе существует проблема зависимости от мобильных игр, в частности среди младших школьников. Она является актуальной из-за нескольких факторов. С развитием технологий и доступностью сетей 4G/5G, мобильные игры стали крайне доступными для детей. Они могут играть в любое время и в любом месте, что приводит к чрезмерному использованию смартфонов и отвлекает их от учебных и социальных обязанностей. В статье рассматриваются гендерные предпочтения при выборе мобильных игр у обучающихся, представлены результаты эмпирического исследования особенностей поведения подростков в социальных сетях.

Ключевые слова: мобильные игры, обучающиеся, игра, зависимость от мобильных игр, социальная адаптация.

Abstract. Play is an integral part of childhood and has a positive impact on the overall development of the child. Various aspects of development, such

as personal, physical and mental, can be supported and improved through play activity. Today, play goes beyond leisure and recreation, being a fundamental aspect of children's growth and learning. Play is a self-selected and guided activity that allows children to follow their own interests and needs. Such independence in the game helps to develop their inner motivation and creativity. The right to play is recognized for all children in the United Nations Convention on the Rights of the Child.

Today, there is a problem of dependence on mobile games in society, in particular among younger schoolchildren. It is relevant due to several factors. With the development of technology and the availability of 4G/5G networks, mobile games have become extremely accessible to children. They can play anytime and anywhere, which leads to excessive smartphone use and distracts them from their educational and social responsibilities. The article examines gender preferences in the choice of mobile games among students, presents the results of an empirical study of the behavior of adolescents in social networks.

Keywords: mobile games, learners, game, addiction to mobile games, social adaptation.

Изучением игры как важного явления в жизни ребенка занимались деятели различных отраслей науки. В 1968 английский психолог С. Миллер в своей работе «The psychology of play» и советский психолог Д.Б. Эльконин в 1977 году в труде «Психология игры» описали и подвергли анализу и критике большинство имеющихся на тот момент теорий игр, психологически и педагогических исследований. В частности: теории философов К. Грооса, Г.Спенсера, Й. Хейзинга, психологов З. Фрейда, Г.С. Холла, Н. Валлона, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, педагогов П.П.Блонского К.Д. Ушинского, Р.И. Жуковской и других [1; 2].

Л. С. Выготский предлагал рассматривать игру как важный компонент когнитивного развития детей. Игра не только способствует языковому развитию, но и помогает детям понимать внешний мир и развивать навыки решения проблем. Проблемы детской игры

интересовали Л. С. Выготского в связи с его работами по психологии искусства и исследованиями развития знаковой функции [2].

Согласно Ж. Пиаже, дети участвуют в играх, которые отражают уровень их когнитивного развития. Первоначально предлагались три уровня игры: функциональная игра, символическая игра и игры с правилами [1].

Игра по Д. Б. Эльконину – это особая форма деятельности, которая возникает на определенной стадии развития и связана с формированием детства. Она не является просто развлечением или забавой, а представляет собой активное взаимодействие с окружающим миром и предметами, при этом обладая элементами новизны. Игра – это не универсальная форма жизни всех детей, а исторически обусловленное явление. Важно отметить, что формы игры ребенок черпает из форм пластического искусства, которые характерны для его общества. Таким образом, игра является не только формой развлечения и удовольствия, но и способом обучения и воспитания, позволяя ребенку развивать свои когнитивные, эмоциональные и социальные навыки [2].

Одним из видов современного пластического искусства, неотъемлемым элементом окружающей действительности по праву можно считать мобильные игры. Общественность часто ассоциирует мобильные игры с негативными аспектами, такими как вмешательство в процесс обучения, зависимость и насилие. Нарушение учебного процесса происходит из-за того, что дети могут играть в игры во время уроков или неполноценно делать домашнее задание. Зависимость от мобильных игр также является серьезной проблемой, поскольку дети могут терять контроль над временем, проводимым за игрой, и становиться пассивными и изолированными в реальной жизни. Насилие в играх также вызывает тревогу, поскольку некоторые игры содержат агрессивный контент, который может повлиять на эмоциональное и психологическое состояние детей.

В 2014 году был предложен наиболее полный на сегодняшний момент классификатор компьютерных игр, который представляет собой схему из 3-х больших групп – «Игры информации», «Игры действий», «Игры контроля». Каждая группа имеет 5 базовых (неделимых) жанров:

обучение, загадки, общение, герой, изучение, собирание, уклонение, уничтожение, соревнование, вождение, забота, развитие, контроль, тактика, планирование. В простые жанры входит 1-2 базовых, в сложных присутствует несколько базовых механик, а гибридные жанры содержат базовые механики из различных групп.

На основании классификации игр был разработан опросный лист, который использовался для сбора информации об играх у младших школьников. Опрос велся в течении 3-х недель в непринужденной обстановке с фиксацией ответов на бланке. В исследовании приняли участие 91 младший школьник, в т.ч. 37 девочек и 54 мальчика, учащиеся 1-4 классов школы г. Минска, в возрасте от 7,5 до 10 лет.

Согласно результатам исследования, большая часть младших школьников (41% девочек и 60% мальчиков) в возрасте от 7,5 до 10 лет выбирают игры действий. В играх действий (Action) главным фокусом являются движения, которые игрок должен осуществлять, управляя определенным объектом, будь то человеческое или гуманоидное тело, либо техническое средство. В этой группе жанров золотой серединой являются игры-боевики, которые славятся своей динамичностью и развитием скорости реакции у игроков.

На одном конце спектра находятся аркадные игры, на другом симуляторы. Между этими двумя крайностями располагается целый спектр жанров, предлагающих различные сочетания аркадных элементов и симуляционных аспектов. Например, «платформеры» объединяют быстрые и плавные движения с элементами головоломок. Игры-стрелялки (shooter) могут быть как аркадными с искусственной интенсивностью и динамикой, так и более реалистичными с акцентом на тактику и симуляцию оружия и боевой механики.

У младших школьников, участвовавших в опросе, самыми распространенными жанрами этой группы, были «платформеры», где персонаж бежит и прыгает, уворачиваясь от угроз и собирая награды. У 83% мальчиков и 62% девочек игры этого жанра были одни из любимых. На момент опроса популярными у мальчиков была игра «Geometry Dash в 3D» и «Talking Tom: Gold run» у девочек.

На втором месте у младших школьников были аркадные игры, которые отличаются простотой освоения и нереальностью происходящего. Эти игры обычно ориентированы на быструю и веселую игровую механику, ограниченные правилами и меньшей сложностью управления. Данный тип игр разрешается родителями, не требуют подключения к интернету и относятся к казуальным играм и «таймкиллерам».

Игры жанров «экшн» (Action), «игры-стрелялки» (Shooter), «поединок», «спортивный симулятор», «симулятор вождения», «гонки» были только у мальчиков.

Игры информации «обучение» и «загадки» были либо установлены родителями на телефоны детей, либо они были на телефонах родителей. В них играли в основном девочки, окончившие 1-й класс у которых не было доступа к интернету или стоял «родительский контроль», остальные дети в них не играли, хотя и имели в телефоне. Только у одной девочки 10 лет на телефоне была игра Words of Wonders: Игра в слова.

Игры жанра «ролевая игра» (RPG) оказались не популярными среди младших школьников. В этих играх особую важность имеет получение информации в различных ее проявлениях. RPG (Role-playing Game) – это игры, в которых игрок имеет возможность вжиться в роль героя и исследовать разнообразные возможности, принимая важные решения, которые повлияют на исход игры. Только 2 мальчика играли в эти игры и могли подробно рассказать и о сути игры, и о героях.

В играх контроля часто важными элементами являются принятие решений и стратегическое мышление. В этой категории игр игроку предоставляется возможность управлять не только своими ресурсами, но и влиять на ход событий, разрабатывать планы действий и анализировать результаты своих действий.

Границы группы игр контроля можно представить как две крайности. С одной стороны, есть игры, где главное значение придается результату и достижению цели. В таких играх игрок стремится достичь определенной победы или выполнить определенную задачу. С другой стороны, есть игры, где сам процесс игры является главной целью. В

таких играх игрок просто наслаждается игровым процессом, созданием стратегий и принятием решений. Участники исследования выбирали только второй тип игр.

В ходе исследования обнаружилось, что в мобильные игры из этой группы чаще всего играют девочки (23%) против 9% мальчиков. В эту группу входили различные игры-симуляторы жизни, такие как Party Craft, Пицца, Deco Life и другие, которые позволяют игрокам наблюдать за виртуальными персонажами, которые живут своей жизнью и имеют собственные потребности и цели. В таких играх главное внимание уделяется самому процессу наблюдения и управления повседневными активностями персонажей, а не достижению какой-то конкретной цели или победе.

В играх-симуляторах родительской заботы, таких как игры-тамагочи Говорящая Анджела, Bubbu – мой виртуальный питомец, Baby Simulator и другие, игроку предоставляется возможность заботиться о виртуальных существах, обеспечивая их потребности в питании, уходе, развлечениях и т.д. Игрок может создавать текущие цели для персонажей, например, накормить их или уложить спать, но дальнейшие действия персонажей зависят от их собственного поведения и принятия решений.

Гибридные игры, возникающие на стыке основных групп, имеют более сложный сценарий, задействуют большое количество персонажей. Самая распространенная гибридная игра, возникающая на стыке игр контроля и действий, является у младших школьников Minecraft, а также различные экшны в составе команды. У мальчиков гибридные игры составляют 18%, у девочек всего 2%.

Исследование показало, что имеются некоторые общие тенденции в предпочтениях между полами. Базовые жанры игр у мальчиков оказались: собирание, уклонение, уничтожение, соревнование, управление и создание. Мальчики чаще предпочитают игры экшен и платформеры. Эти жанры связаны с быстрым темпом игры, физическими вызовами и соревновательным элементом, что может привлекать мальчиков. Базовыми жанрами игр у девочек являются: собирание, забота и обучение. Девочки имеют большую

предрасположенность к мобильным играм, таким как аркады и симуляторы жизни. Это может быть связано с интересом к социальным и творческим аспектам игр.

Мальчики предпочитали игры-соревнования, имеющие конкретную игровую цель и награду, для достижения которой необходимо следовать жесткому сценарию и четким правилам. Девочки выбирали бесконечные раннеры или игры-процессы, в которых цель была достаточно абстрактная и к которой можно прийти различными путями.

52% всех младших школьников играют только в игры, установленные родителями, или имеют «родительский контроль» и ограничение по времени. Остальные устанавливают игры на телефон самостоятельно, играют без контроля и имеют постоянный выход в интернет.

Только 49% девочек и 41% мальчиков знали точное число и названия игр, в которые играют, смогли выделить любимые и описать сюжет и жанр игры, а также правильно сказать и перевести название игры с английского. Эти дети обладали большим словарным запасом и коммуникативными способностями, но и зависимость от игр у них была выше.

В ходе исследования были обнаружены гендерные предпочтения при выборе жанров мобильных игр, а также связь социальной адаптивности младших школьников и определенными мобильными играми.

Подводя итоги, можно утверждать, что использование информации об играх на смартфоне поможет учителям и родителям лучше понять предпочтения и интересы детей, что может способствовать более эффективному обучению и взаимодействию. Например, если у ребенка есть интерес к стратегическим играм, это может быть использовано для развития его аналитических навыков и критического мышления в учебной среде.

Мобильные игры можно и нужно использовать в педагогических целях и при психологической диагностике обучающихся. Информация об игровых предпочтениях, об успехах в той или иной игре и отношении ребенка к ней, могут быть использованы для оценки

навыков и способностей детей, таких как логическое мышление, реакция, внимание и координация движений. Путем анализа статистики игрового процесса можно получить информацию о способности ребенка к концентрации, уровне стресса, склонности к риску и других показателях, а также о круге его друзей и знакомых, что может быть полезно при планировании образовательного процесса и принятии решений относительно адаптации ребенка в классе.

Библиографический список:

1. Миллер С. Психология игры. СПб.: Университетская книга, 1999. 320 с.
2. Эльконин Д. Б. Психология игры. – Москва: Педагогика, 1978. 304 с.

Сведения об авторах:

Процко Людмила Александровна, студент 4 курса факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: ljuda.abramovich@mail.ru

Погодина Елена Константиновна, научный руководитель, старший преподаватель кафедры социальной педагогики УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: pogodinaek@mail.ru

УДК 37.013.42

Смильгин Д. А., Погодина Е. К.

**Программа социально-педагогической деятельности
по профилактике интернет-аддикции у младших подростков**

**The program of social and pedagogical activities
for the prevention of Internet addiction in younger adolescents**

Аннотация. Одной из острых социальных проблем в настоящее время является распространенность среди подрастающего поколения такого негативного явления, как интернет-зависимость. Ежегодно отмечается рост количества пользователей Интернета, а возраст детей, включенных

в интернет-пространство, стремительно снижается. В статье раскрываются основные виды интернет-аддикции, факторы формирования зависимости от сети Интернет в подростковом возрасте. Представлены результаты эмпирического исследования склонности младших подростков к интернет-зависимости. Предлагается программа социально-педагогической деятельности по профилактике зависимости младших подростков от сети Интернет.

Ключевые слова: интернет-зависимость, виды интернет-аддикции, факторы интернет-аддикции, подростки, программа профилактики.

Abstract. One of the acute social problems currently is the prevalence of such a negative phenomenon as Internet addiction among the younger generation. Every year there is an increase in the number of Internet users, and the age of children included in the Internet space is rapidly decreasing. The article reveals the main types of Internet addiction, the factors of formation of dependence on the Internet in adolescence. The results of an empirical study of the propensity of younger adolescents to Internet addiction are presented. A program of social and pedagogical activities for the prevention of dependence of younger adolescents on the Internet is proposed.

Keywords: Internet addiction, types of Internet addiction, factors of Internet addiction, younger adolescents, prevention program.

В последние годы Интернет прочно вошел в жизнь каждого подростка, с одной стороны, открывая дополнительные возможности для саморазвития и общения, с другой – оказывая негативное влияние на формирование личности с риском развития интернет-аддикции.

Термин «интернет-аддикция» был введен А. Голдбергом в 1996 году, под интернет-зависимостью он понимал «...поведение с низким уровнем самоконтроля, которое грозит вытеснением нормальной жизни» [4]. Для зависимого человека желание находиться в Интернете становится постоянным и неуправляемым, он находится в Сети практически непрерывно, жертвуя сном, общением с близкими людьми, друзьями. По данным исследовани Digital 2023, размещенном на информационном портале DataReportal, в среднем современный человек проводит в Интернете около 7-8 часов ежедневно [5].

В большей степени зависимости подвержены подростки. Согласно данным проведенных исследований, Интернет привлекает подростков анонимностью, доступностью, безопасностью и простотой его использования [1].

Основными факторами, детерминирующими развитие интернет-аддикции в подростковом возрасте, являются: низкая самооценка; наличие проблем в школе; отсутствие взаимопонимания со сверстниками; физическое или эмоциональное насилие со стороны сверстников, буллинг; депрессия; поиск ярких эмоций, стремление к уходу от реальности; отсутствие поддержки, недостаток внимания и одобрения со стороны родителей и др. [3]. Личностными детерминантами формирования онлайн-зависимости у подростков являются: низкий уровень социально-психологической адаптации, непринятие себя и других, высокая ригидность, сенситивность, интроверсия и тревожность.

Интернет-зависимость у подростков может проявляться в следующих формах:

- зависимость от виртуального общения в чатах и соцсетях;
- веб-серфинг – навязчивый, бессмысленный поиск информации;
- зависимость от онлайн игр (игровая компьютерная зависимость) – чрезмерное увлечение онлайн играми;
- чрезмерная увлеченность просмотром фильмов в сети Интернет.

Социально-педагогическое исследование склонности подростков к интернет-зависимости проводилось среди учащихся 5-6 классов учреждений общего среднего образования г. Минска. В исследовании приняты участие 107 подростков 11-12 лет.

Для проведения исследования были использованы следующие методики: опросник «Интернет-зависимость» К. Янг, анкета «Подростки в сети Интернет» (для выявления факторов риска развития интернет-аддикции в подростковом возрасте).

Результаты проведенного опроса показали, что только 31% учащихся являются обычными пользователями сети Интернет. Они не испытывают постоянной потребности нахождения в Интернете,

используют его ресурсы в информационно-познавательных целях, реже – в развлекательных, так как предпочитают проводить свое свободное время вне сети.

44% учащихся имеют некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением Интернетом, у них снижается уровень учебной мотивации, падает успеваемость, что говорит о риске развития интернет-зависимости.

Интернет-зависимость обнаружена у 25% учащихся. Для них характерна тревожность и возбудимость, рассеянность, рассредоточенность внимания вне деятельности в Сети. Очень сильно заметно угасание интереса к общению, происходит замена реальных друзей интернет-общением [2].

Более половины респондентов (69%) указали, что получают замечания от близких людей и членов семьи из-за того, что слишком много времени проводят «онлайн». Большинство подростков (86,2%) указали, что они проводят в виртуальном пространстве более трёх часов в день. Причём многие из них (70,7%) не умеют контролировать время, проводимое в сети Интернет. Так, на вопрос «Проводите ли Вы в онлайн больше времени, чем намеревались?» подростки дали следующие ответы: иногда – 46,6%, часто и почти всегда – 31,0%.

Анализ результатов исследования показал, что подростки зачастую пренебрегают режимом сна в пользу времяпровождения в сети. Так, 51,7% респондентов отметили, что у них появились нарушения сна и трудности с засыпанием. 46,6% опрошенных подростков указали, что иногда пренебрегают приёмом пищи или едят во время нахождения в сети, чтобы не прерывать общение или другие виды онлайн активности.

У многих подростков наблюдаются психологические признаки интернет-зависимости. Так, 60,3% респондентов отметили, что жизнь без Интернета для них является скучной, пустой и безрадостной, а 31,0% опрошенных учащихся указали, что испытывают депрессию, подавленность или нервозность, будучи вне сети. Вместе с тем, когда они подключаются к Интернету, это состояние проходит, настроение повышается и они чувствуют оживление, возбуждение и эйфорию.

На основании результатов диагностического исследования была разработана программа социально-педагогической профилактики интернет-аддикции у подростков, целью которой является осуществление профилактической деятельности по превенции интернет-зависимости посредством развития коммуникативных навыков подростков, умений контактного социального взаимодействия, повышения уровня самооценки и саморефлексии.

Задачи профилактической программы:

- организация просветительских мероприятий с целью информирования подростков о проблеме интернет-зависимости;
- проведение индивидуальных психолого-педагогических консультаций с целью оказания помощи в решении личностных проблем подростков;
- формирование у подростков адекватного отношения к Интернету;
- развитие коммуникативной компетентности подростков.

Категория участников: учащиеся 5-6 классов.

Срок исполнения программы: учебный год.

Содержание программы включает:

- беседы («Интернет-зависимость: мифы и реальность!», «Влияние чрезмерного использования Интернета на человека», «Интернет и мое здоровье»);
- медиауроки («Информационная безопасность», «Правила поведения в сети Интернет»);
- тренинги («Как противостоять воздействию Интернета на личность», «Как не стать зависимым от Интернета») и другие мероприятия.

Для оказания помощи педагогическим работникам учреждения образования разработаны методические рекомендации по реализации программы профилактики интернет-аддикции у подростков.

Библиографический список:

1. Погодина Е.К., Максимова Т.В. Профилактика интернет-аддикции у подростков // Шаг в науку : сб. науч. ст. IV междунар. конф. Грозный : ЧГПУ, 2021. С. 365-368.
2. Смильгин, Д. А. Исследование склонности подростков к интернет-зависимости // Условия успешной социализации детей и молодежи:

перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : Ч. 1 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГПУ, 2023. С. 267-272.

3. Янг К. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Internet. 2000. № 2. С. 24-29.

4. Goldberg I. Internet addiction disorder // CyberPsychology & Behavior. 1996. V. 3. № 4. Pp. 403-412.

5. Digital 2023 Global Overview Report (January 2023). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-belarus>, свободный. (дата обращения: 24.03.2024).

Сведения об авторах:

Смильгин Диана Аликовна, студент 4 курса факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: smilgindiana@gmail.com

Погодина Елена Константиновна, старший преподаватель кафедры социальной педагогики УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: pogodinaek@mail.ru

УДК 81

Федоровская Е.В.

Роль креолизованных текстов в цифровых бренд-коммуникациях

The role of creolized texts in digital brand communications

Аннотация. Обилие визуальной информации, наполняющей современное коммуникационное пространство, побуждает рост интереса к паралингвистическим (невербальным) средствам языка. Это сказывается на их применении в рамках рекламного текста. Цифровизация способствовала популяризации использования иконических символов, что нашло отражение и в бренд-коммуникациях, для которых оказание эмоционального воздействия на аудиторию является крайне значимым.

Ключевые слова: креолизованные тексты, рекламный текст, бренд-коммуникации, невербальные средства

Abstract. The abundance of visual information that fills the modern communication space prompts a growing interest in paralinguistic (non-verbal) means. This affects their application within the advertising text. Digitalization has contributed to the popularization of the use of iconic symbols, which is reflected in brand communications, for which the emotional impact on the audience is extremely important.

Keywords: creolized texts, advertising text, brand-communications, non-verbal means.

Современное цифровое коммуникационное пространство выступает примером быстро развивающейся и адаптирующейся под запросы аудитории среды. Использование визуальных материалов в качестве сопровождения текста с целью усиления воздействия на восприятие стало нормой и вынудило прислушаться к данной тенденции рекламные тексты. Этому во многом способствовало развитие социальных сетей и внедрение графических элементов, сопровождающих текст. Иначе говоря, текст цифровой среды в большинстве случаев является креолизованным, то есть, согласно мнению Е.Е. Анисимовой, он подразумевает под собой “сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата” [1, 16].

Креолизация рекламных текстов является естественным явлением. А восприятие посредством невербальных средств упрощается, давая возможность аудитории доступным способом считать транслируемое брендом сообщение. По мнению С.В. Моцевой “текст и изображение взаимодействуют в рекламе и образуют один многослойный знак, вводящий в контекст сразу несколько значений. Успешная (удачная) реклама – это такая реклама, где составляющие ее компоненты функционируют как единое целое и подчинены общей цели: вызвать положительную реакцию покупателя, стимулировать приобретение

рекламируемого объекта или сделать популярным имидж фирмы, упрочить ее положение на рынке” [2, 151].

Развитие диджитал-пространства способствовало общей креолизации текстов, в первую очередь в области межличностной коммуникации. Использование смайлов, иконок, эмоджи и стикеров является неотъемлемой частью передачи информации. Кодирование послания, благодаря иконическим изображениям, позволяет иногда и вовсе обойтись без возможностей вербальных средств донесения информации. Стоит сказать, что рекламный текст включает в себе прагматический аспект и побуждение к действию является одной из основных его функций. Это является одной из причин его гибкости и повышенной адаптивности под актуальные запросы пользователей. Потому интеграция в рекламный текст иконических элементов произошла быстро и естественно: быстрая реакция на культурологические запросы потребителей - обязательная часть при формировании рекламного сообщения.

Говоря о текстах, относящихся к бренд-коммуникациям, стоит сказать, что в их случае роль креолизации становится ещё более значимой. Сам язык вынужден адаптироваться под интеграцию графических элементов, которое позволяет усилить эмоциональное воздействие на читателя, донести не только смыслы, заложенные в послании, но и создать определённое ощущение у коммуниканта. Так частым инструментом при выстраивании взаимодействия бренда с аудиторией является разработка собственного стикерпака для социальных сетей. Стоит пояснить, что стикерпак - это набор графических изображений, выполненных в единой стилистике, общей со стилистикой бренда, которые могут иметь как текстовую составляющую, так и графическую и используются в социальных сетях и мессенджерах. Одним из примеров подобного является стикерпак от бренда «Сбер», который они предлагают пользователям в рамках их чат-бота в социальной сети и который при этом является бонусом для потребителей за определённые действия: доступ к данному стикерпаку предоставляется в качестве поощрения.

Необходимо указать, что специфика бренд-коммуникаций состоит в донесении до потенциальной аудитории не свойств и характеристик самого предлагаемого продукта, а того эмоционального наполнения, которое транслирует на потребителя бренд, его предлагающий. Этим обуславливается необходимость использования экстралингвистических средств. Коммуникация бренда со своей аудиторией (реальной или потенциальной) осуществляется во многом посредством диджитал-медиа-системы. Она подразумевает под собой совокупность каналов коммуникаций, собственных или арендованных, таких как сайт, социальные сети, приложение и прочее. Рекламный текст в обязательном порядке сопровождается изобразительным материалом, который усиливает воздействие на пользователей. Это выражается в иконическом изображении основных смысловых посылов бренда, которые транслируют его позиционирование, ценности, философию и миссию. Нередко для донесения эмоциональной составляющей используется именно креолизованная часть, которая позволяет выгодно дополнить рекламное сообщение и донести как рациональную часть сообщения бренда, так и идеологическую. Так, например, бренд кафе “Lovemark”. выбрав словесный вид логотипа, дополнил его скобками (“(”)”). С приходом цифровизации использование данных символов при личном взаимодействии пользователей стало естественным и распространенным для выражения своего настроения. В данном случае бренд, используя указанные символы, также постарался передать мягкость, заботу, заложенные в позиционирование бренда. Сами скобки выступали в качестве графического изображения объятия.

“FRY’S” в своей рекламной кампании, посвященной выходу новой линейки вкусов, использовал вербальную часть в виде слогана “Больше Вкуса! Больше хруста! Ты готов к FRY’S?”. Посыл был дополнен визуальной составляющей в виде рекламных баннеров с использованием персонажей, на которых был нанесён боди-арт, изображающий новые вкусы продукта: “зубастый краб”, “дикий лосось” и “свирепый кабан”. При этом тональность коммуникации данного бренда можно сформулировать, как напористую, смелую,

дерзкую, что легко считывается благодаря визуализации. Таким образом, потребитель, даже не знакомый с новым предложением бренда или вовсе не сталкивающийся с его продукцией, легко понимает ключевое сообщение данных рекламных баннеров.

Пожалуй, сложно в современном коммуникационном пространстве представить рекламное сообщение, которое не сопровождается визуальным элементом. Обилие информационных потоков при использовании иконических изображений, сопровождающих поступающую информацию, ставит вопрос о формировании новой текста в рамках бренд-коммуникаций. Паралингвистические средства, к которым относится и креолизация текстов, в некотором смысле позволяют добиться перлокутивного эффекта рекламного сообщения.

Библиографический список:

1. Швецова М.Г., Подлевских М.Ю. Рекламный текст как один из видов креолизованных текстов // Альманах мировой науки. 2016. № 5-1(8). С. 137-142.
2. Мощева С.В. Креолизованный рекламный текст // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 148-151.

Сведения об авторе:

Федоровская Екатерина Владимировна, аспирант кафедры русского языка Московского политехнического университета, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: KatrinKati@yandex.ru

УДК 342.7

Яйцева А. С.

**Институты гражданского общества в России:
исторический и теоретико-правовой аспекты**

**Civil society Institutions in Russia:
historical and theoretical-legal aspects**

Аннотация. В настоящей статье рассмотрено гражданское общество как негосударственная самостоятельная единица общества. Автор неразрывно связывает его с развитием правового государства. Даны обязательные признаки гражданского общества. На основе правоведческих исследований сделаны выводы о необходимости институтов гражданского общества. Подходы к их формированию изучены с точки зрения истории государства и права. В частности, указан основоположник данного понятия в юридической науке, далее говорится о развитии идей о данном институте в России начиная с эпохи правления Екатерины Великой. Характеризуя долгий, занимающий несколько столетий процесс развития гражданского общества и соответствующий различным эпохам различный характер взаимодействия государства и общества, автор выводит читателя на институты гражданского общества в начале нынешнего столетия. Далее автор статьи разъясняет роль и место в системе институтов гражданского общества политических партий и общественных организаций.

Ключевые слова: гражданское общество, институт гражданского общества, государство, правовое государство, общественное объединение, общественное сознание, граждане.

Abstract. In this article, civil society is considered as a non-governmental independent unit of society. The author inextricably links it with the development of the rule of law. The obligatory signs of civil society are given. Based on legal studies, conclusions are drawn about the need for civil society institutions. Approaches to their formation have been studied from the point of view of the history of the state and law. In particular, the founder of this concept in legal science is indicated, further it is said about the development of ideas about this institution in Russia since the reign of Catherine the Great. Characterizing the long process of civil society development that takes several centuries and the different nature of interaction between the state and society corresponding to different epochs, the author brings the reader to the institutions of civil society at the beginning of this century. Further, the author of the article explains the role and place

of political parties and public organizations in the system of civil society institutions.

Keywords: civil society, the institution of civil society, the state, the rule of law, public association, public consciousness, citizens.

Что представляет собой гражданское общество? Это совокупность общественных негосударственных объединений, которые способствуют удовлетворению потребностей граждан, придавая им огласку, в различных сферах жизни. Однако это одно из многих определений данного понятия в наше время. Единой точки зрения на определение гражданского общества нет. Формирование подобного общества тесно взаимосвязано со становлением правового государства. Люди, обладающие правами граждан, принимают активное участие на равных основаниях в жизни общества с целью реализации общенациональных целей.

Впервые понятие гражданского общества было введено Аристотелем. Рассматривая его труды можно сделать вывод о том, что ученый не считал гражданское общество и государство неделимыми компонентами, но и не противопоставлял их. Они словно разные органы единого организма: взаимодействуют, но и могут существовать обособленно друг от друга.

Любому гражданскому обществу присущ ряд признаков, которые являются обязательными. Так, в формированиях гражданского общества преобладают горизонтальные связи и отношения между людьми, а не вертикальные. Кроме того, многообразие форм объединений граждан способствует формированию институтов гражданского общества, без которых невозможно осуществление поставленных целей и задач. Развитие общественного сознания, которое опирается на систему моральных ценностей, создает благоприятную среду для укрепления положения институтов в государстве.

Однако формирование общественных объединений началось далеко не в XXI веке. Точное время зарождения гражданского общества является предметом споров правоведов нашего времени. Многие

склоняются к теории, согласно которой первые признаки гражданского общества стали появляться при Екатерине Великой, которая известна своей политикой «просвещенного абсолютизма». Просвещение привело к тому, что европейские идеи стали проникать в умы российского общества, тем самым внедряя в российское государство концепцию самостоятельности народа. Некоторые ученые считают первым институтом гражданского общества Московский Общественный клуб, который был сформирован в 1770-х годах. Ряд исследователей придерживается мнения о том, что клуб стал одним из первых зарегистрированных мест, где граждане смогли собираться для обсуждения насущных проблем народа, а также принимать участие в развитии благотворительной деятельности [1]. Согласно другой точке зрения, становление институтов гражданского общества напрямую связано с возникновением механизма государственности в России [2]. Если проводить аналитическую цепочку, то становится наглядным то, что формирование гражданского общества невозможно без наличия государства. То есть, становление институтов гражданского общества имеет свою историю, которая является спорной в правовой среде.

Взаимодействие общества и государства на протяжении многих столетий имело различный характер, следствием чего являются современные общественные объединения. В XXI веке можно выделить следующие виды институтов гражданского общества по различным критериям: политические партии и общественно-политические объединения; профессиональные, творческие, экологические, культурные и другие организации, затрагивающие различные отрасли современного общества; средства массовой информации, способствующие просвещению граждан и оповещению их о деятельности государства в реализации общественно-значимых целей и многие другие. Как было сказано ранее, институты гражданского общества затрагивают все сферы общественной жизни. Так, политические партии непосредственно представляют интересы народа в политической сфере. Например, политическая партия «Новые люди» в своей программе изложила идеи о том, что в выборах необходимо

отменить барьеры, тем самым допустить к участию в них не только политические партии, но и общественные объединения, что позволит большему количеству граждан принимать прямое участие в политической жизни государства. Экологические объединения обеспечивают фактор сохранности окружающей среды, с которой так тесно взаимодействует человек. К примеру, общественная организация «Российский Зеленый крест» в своей основной программе «Наследие» главной целью обозначила истребление имеющихся в России запасов химического оружия, которое несет прямую опасность для граждан страны и ее и природного мира [3]. Все они осуществляют свою работу благодаря гражданам, а граждане удовлетворяют свои интересы благодаря институтам гражданского общества.

Еще в первое десятилетие XXI в. в научных кругах нашей страны не было полной уверенности в том, что гражданское общество в России установлено. Так, согласно докладу опроса муниципальных служащих России в 2007 г. было выявлено, что далеко не все негосударственные организации, которые официально зарегистрированы, осуществляют реальную деятельность [4]. Многие опрошенные считали, что большинство организаций существуют для прикрытия бизнеса. Связано это было с тем, что во многом действия общественных объединений не подлежат огласке. Поэтому доверие граждан не стремилось к развитию, из чего следовало, что уровень правового сознания народа не соответствовал должному. Граждане отказывались участвовать в политической жизни государства, связывая это с тем, что политикой должны заниматься специально обученные люди, а гражданам без должного просвещения делать в политике абсолютно нечего. Но они не учитывали тот факт, что институты гражданского общества необходимы для удовлетворения базовых общественных потребностей, поэтому гражданам всегда (и в 2000-ые годы в том числе) необходимо было взаимодействовать с организациями. Данный факт позволил нам говорить о том, что институты гражданского общества в России в самом начале XXI в. еще находились в стадии своего развития и были далеки от совершенства.

В нынешней же ситуации, когда Российская Федерация проводит специальную военную операцию по защите русскоязычного населения от украинских националистов в новых российских регионах, это вызвало необычайную по сравнению с первыми десятилетиями существования РФ гражданскую активность общества. Мобилизация желающих принять участие в действиях на передовой, организация помощи нуждающимся в ней территориям и бойцам на фронте – всё это ведет к образованию формальных и неформальных общественных объединений. Развернулось патриотическое движение и воспитание молодых членов общества, в рамках молодежной политики возникают объединения, движения и акции, направленные на развитие спорта, профессиональных умений, культурное развитие. Это уже даже не начало, а активное продолжение процесса обретения Российской Федерацией подлинного суверенитета, а ее обществом – подлинной независимости, что особенно необходимо в условиях конфликта России с недружественными ей странами. Для достижения суверенитета нужно создать общественные объединения в области хозяйства, социальной сферы, культуры, создать механизмы взаимодействия общества с государством и общественных формирований между собой по многим вопросам и во многих сферах жизни общества. Иными словами, общество должно стать гражданским в полном смысле слова, что и происходит в нашей стране в настоящий момент.

Библиографический список:

1. Васькин А.А. Росток гражданского общества: Английский клуб // Москва при Романовых. К 400-летию царской династии Романовых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/77862?ysclid=lt88z0wzfd301350362>, свободный. (дата обращения: 28.02.2024).
2. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2010.
3. Официальный сервер Российского Зеленого Креста. 2000-2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://greencross.org.ru/legacy_b.html, свободный. (дата обращения: 17.04.2024).
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2007/02/07/report/print/>, свободный. (дата обращения: 28.02.2024).

5. Щечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017.
6. Теория государства и права : учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019.
7. Крашенинников П.И. Серебряный век права. М.: Статут, 2017.

Сведения об авторе:

Яйцева Анна Сергеевна, курсант 2 взвода 1 курса юридического факультета
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний России»,
г. Самара, Российская Федерация, e-mail: anyutayaiцева@mail.ru

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
**«ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В РОССИИ И
ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**,

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл
25 апреля 2024 г.

*За содержание, цитирование, использование графического материала
юридическую ответственность несут авторы статей*
Статьи печатаются в авторской редакции

Материалы опубликованы 31.05.2024 г.

Адрес редакции и издателя:
424007, г. Йошкар-Ола, ул. Прохорова, 28
телефон/факс: 8-8362-63-56-40
e-mail: konf_mosi@mail.ru, rector@mosi.ru

Подписано в печать 21.05.2024 г.
Формат 60*84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6.28
Тираж 100 экз. Заказ № 22713

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Принтекс»
424000 Россия, Республика Марий Эл, гор. Йошкар-Ола,
ул. Суворова, д. 15А, каб. 204, тел: 8(8362) 38-56-56